

Служу России и Спецназу

АЛЬБЕРТ БАЙКАЛОВ

НАШ ХЛЕБ —
РАЗВЕДКА

№ 118

Филин

Альберт Байкалов

Наш хлеб – разведка

«ЭКСМО»

Байкалов А. Ю.

Наш хлеб – разведка / А. Ю. Байкалов — «Эксмо», — (Филин)

Настоящий спецназовец и в отпуске помнит о долге. Полковник Антон Филиппов во время отдыха на черноморском курорте случайно узнал о существовании подпольной лаборатории биологического оружия в чеченском селении, где он когда-то воевал. Не медля ни минуты, Филиппов поехал обратно в столицу, чтобы доложить начальству и собрать группу бойцов для уничтожения лаборатории. Но все вышло намного сложнее. Найти в горах логово террористов оказалось практически невозможно. Зато группу Филиппова боевики обнаружили без труда...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Альберт Байкалов

Наш хлеб – разведка

Глава 1

Прохладный ветерок, словно уставшая нянька, играл с волнами, лениво накатывая их на берег. Над водой резвились чайки.

Несмотря на небо, подернутое дымкой, сквозь которую с трудом пробивалось солнце, еще не осевшую муть и обилие выброшенных вместе с сором медуз, пляж пансионата «Прибой» был переполнен. Шедший несколько дней дождь, вынудивший отдыхающих прозябать в номерах перед телевизорами, топтаться вокруг бильярдных столов в комнате отдыха и вести скучные разговоры с соседями, под утро прекратился.

Невзирая на шторм, все это время Антон с завидным постоянством спускался каждое утро к морю и устраивал заплывы до едва видимых даже в ясную погоду буйков. Редким свидетелям этого казалось, что сероглазый обладатель атлетической фигуры, с волевым подбородком, со шрамом на мускулистой груди попросту пьян либо решил расстаться с жизнью. На самом деле ему доставляло огромное удовольствие неторопливо и уверенно, наперекор стихии, карабкаться по скатам свинцовых волн, погружаться в барашки пены, взлетая на гребне, и стремительно скатываться вниз. Еще бы, впервые за несколько лет командиру группы специальных операций подполковнику Филиппову удалось вырваться так далеко за пределы загазованного и шумного мегаполиса вместе с семьей. Помог случай. Спецназ ГРУ был задействован в совместной с ФСБ и МВД операции по предотвращению теракта в столице. Нити организации, которая его готовила, тянулись до самой Осиновки, небольшого городка, расположенного между двумя покрытыми лесом горами, на самом берегу Черного моря. Изначально в его планы не входил отдых. Он лишь собирался оставить в пансионате жену и сына, а сам должен был заняться работой. Но операция благополучно закончилась раньше того времени, когда его «Лексус» проехал указатель с названием этого райского уголка.

Окрыленный успехом, шеф махнул рукой и разрешил задержаться здесь на неделю.

Сейчас, лежа на шезлонге, Антон наблюдал за тем, как шестилетний сын возится у самой кромки воды, строя из камней какую-то башню. Регина стояла рядом. Уперев руки в бока, стройная голубоглазая блондинка словно магнит притягивала взгляды мужчин.

Антон ничуть это не волновало. Он не сомневался: его жена – самая красивая женщина не только на пляже пансионата, но и на всем побережье.

Появился Лютый. С неизменным мешком в руке, он брел вдоль берега. Всклопоченная, выгоревшая на солнце шевелюра, бессмысленный взгляд с какой-то затаенной в глубине глаз грустью, почти черное от солнца лицо. Надетая на нем рубашка была явно на пару размеров меньше, а закатанные до колен спортивные штаны – в нескольких местах рваные. Этот парень каждое утро, невзирая даже на непогоду, убирал мусор, составлял лежаки, помогал крепить сорванные ветром зонты и навесы. При этом все делал молча. За это ему немного платили.

Подняв смятую пачку от сигарет, он сунул ее в мешок и двинулся дальше, когда на то же самое место полетела пустая пластиковая бутылка из-под пива. Вернувшись, он подобрал ее, однако, едва отошел, там появилась пустая упаковка от чипсов. Сидевшие на брошенных прямо на камни полотенцах молодые люди, в обществе нескольких девушек, явно решили поиздеваться над убогим.

Антон приподнялся на локтях:

– Эй, парни, вам что, заняться нечем?

Бросив в его сторону недовольные взгляды, компания потеряла интерес к уборщику.

Антон достал из лежащих рядом шорт портмоне, поднялся и направился к торговой палатке.

– Холодная минералка есть?

– А как же, – повеселел сидящий в плетеном кресле парень в клетчатых бриджах. – Какую желаете?

– Все равно. – Антон показал глазами в сторону Лютого: – Откуда он?

– Не знаю, – пожал плечами продавец, протягивая бутылку и беря из рук Антона деньги. – С весны здесь. Не в себе он.

– Да я вижу, – вздохнул Антон. – За что его Лютым прозвали? Он, наоборот, кажется спокойным.

– Этот спокойный пару месяцев назад за девчонку на набережной вступился, – парень навалился на прилавок. – Ребята неместные, подвыпили, стали у бара приставать, – он пожал плечами. – Не знаю, что там между ними было, но она крик подняла. Тут он. Троих так отделал, родная мать не узнает. Его самого можно хоть помоями облить, оботрется и дальше пойдет. Про таких говорят: по одной щеке ударили, другую подставляют. А тут как с цепи сорвался.

– А по виду не скажешь! – Антон с нескрываемым восхищением посмотрел вслед удаляющейся фигурке с мешком.

– Документов никаких, имени своего не помнит, только все тело в шрамах, – парень вышел из-под навеса и встал рядом. – Говорят, будто в рабстве он был. Потом, наверное, крыша поехала, стал ненужным. Вот и отпустили.

Вернувшись к своему лежаку, Антон с удивлением обнаружил на нем кучу мусора. Рядом валялась пустая пластиковая урна.

– Кто? – Он посмотрел на соседа, грузного мужчину в очках.

– Не видел, – толстяк надвинул на глаза панаму и отвернулся.

В это время со стороны лестницы, ведущей к расположенному на покрытой лесом горе пансионату, раздался смех. Обернувшись, Антон увидел ту самую компанию, которой недавно сделал замечание. Заметив, что на них обратили внимание, один из парней показал ему кулак с выпрямленным средним пальцем.

– Это тебе? – Подойдя сзади, Регина сокрушенно вздохнула. – Только не надо устраивать разборки.

– Не буду, – пообещал Антон и стал собирать одежду.

– Давай в городе пообедаем? – неожиданно предложила она.

– А мороженое купим? – Сережка выжидающе уставился на мать, словно от нее зависело решение.

– Купим, – Антон потрепал сына по голове.

Своими размерами Осиновка скорее напоминала большое село. Основной доход населению приносил гостиничный бизнес. Сезонная сдача комнат внаем канула в Лету. Лишь на окраинах можно было увидеть аляповатые домики с вывешенными на заборах объявлениями. В основном здесь теперь преобладали непохожие друг на друга двух- и трехэтажные частные коттеджи с десятком комнат для отдыхающих, со своими барами, танцплощадками и даже бассейнами. Все утопало в зелени.

Вскоре вышли на набережную, вдоль которой тянулись кафе под открытым небом, шашлычные и прочие закусочные с самым разным ассортиментом блюд.

– «Жемчужина», – прочитал по складам Сережка название очередного заведения. С десяток столиков было установлено под большим куполом из синего полупрозрачного пластика, напоминающим по форме то ли медузу, то ли осьминога, который опирался на бетонную площадку своими щупальцами.

– Зайдем? – Регина вопросительно посмотрела на Антона.

– Давай, – он пожал плечами. – Только отчего он такого цвета?

– Замерз, – Регина рассмеялась.

Заняв один из свободных столиков, заказали шашлык из осетрины, салаты и сок.

Небо окончательно очистилось от облаков, и стало припекать солнце.

Принесли заказ. Антон ел без аппетита. Что ни говори, а настроение развеселая компания на пляже подпортила. В обычных условиях это было сделать трудно. Он привык не обращать внимания на многое, что остальных выбивало из колеи. Но сегодня все было по-другому. В первый раз вырвался отдохнуть, и на тебе.

– Что задумался? – Регина отодвинула от себя тарелку и взяла стакан с соком.

– Тебе здесь нравится? – Антон выжидающе уставился на жену.

– Конечно, – она удивленно посмотрела на него. – Ты уже хочешь вернуться?

– Да нет, просто спросил.

– Давай Сережку с обезьянкой сфотографируем? – неожиданно предложила Регина, указав глазами на бродившего вдоль ограждения мужчину с фотоаппаратом и приматом на плече.

– Сфотографируй, – Антон безразлично посмотрел на фотографа. – Я пока рассчитаюсь.

Торопливо утерев лицо Сережки салфеткой, Регина взяла его за руку, и они вышли из-за стола.

Антон подозвал официантку:

– Сколько с нас?

Девушка стала выписывать счет. В это время сзади, на выходе из павильона, огороженного невысоким металлическим заборчиком, послышался шум. Антон обернулся. Дорогу супруге перегородил рыжеволосый парень в кепке, бейсболке и шортах. Рядом стояли дружки. Он сразу узнал их. Это была та самая компания, которая веселилась на пляже. Его они не заметили. Все были в изрядном подпитии.

– Слышь, подруга, а мы случайно не знакомы? – Обезобразив себя наглой улыбкой, выпятив впалую грудь, рыжий сверху вниз смотрел на супругу Антона.

– Случайно нет.

– Исправим? – Парень окинул дружков веселым взглядом. – Меня зовут Кощей. А тебя?

Регина попыталась его обойти, но он вновь возник перед ней и схватил за талию. Резкий удар коленом в пах сложил верзилу. Вскрикнув, он присел на корточки, судорожно втянув ртом воздух. Вмиг покрасневшие глаза вылезли из орбит, а на шее от напряжения вздулась вена.

Антон отвернулся и, как ни в чем не бывало, протянул официантке деньги.

– ...Ты чего, сучка?! – раздался голос.

– ...Шалава!

– Сдачи не надо. – Антон торопливо вышел из-за стола.

Регина стояла в окружении дружков рыжего. Сережка обхватил мать руками за ногу и с испугом смотрел на «злых дядек». Одна из подружек парней, уперев руки в бока, встала напротив жены.

– Эй! – окликнул Антон. – Вы бы поосторожней.

– О-о, – протянул, обернувшись на голос, кучерявый толстяк, в котором Антон узнал парня, показавшего ему пару часов назад непристойный жест.

Вся компания развернулась в его сторону.

– Антон, только не трогай их! – с отчаянием в голосе попросила Регина.

Парни грохнули со смеху.

– Ты бы шла, подруга, – сквозь слезы выдавил из себя толстяк. – Закажи своему муженьку белые тапочки.

Антон махнул Регине:

– Иди.

Сокрушенно вздохнув, Регина подхватила Сережку на руки и направилась прочь.

– Ну, ты чего, мусорщик? – Сунув руки в карманы бридж, толстяк вышел на передний план. – Нейдется?

Рыжий тем временем пришел в себя и выпрямился, заняв место в «боевых порядках» своих дружков, которые встали перед Антоном полукругом.

Смерив взглядом расстояние до Регины, Антон двинул ногой в подбородок толстяку. Лязгнув зубами, наглец оторвался от земли и полетел спиной на стоящую позади себя размазанную, как индеец, девушку. Раздался вскрик, и оба рухнули на землю. Тут же кто-то попытался схватить Антона за отворот рубашки. Поймав запястье, он крутанул его против часовой стрелки, одновременно надавив большим пальцем на внешнюю сторону ладони. Еще один забияка взвыл и упал на колени. Заставив парня замолчать ударом ноги в печень, он отпустил его и локтем освободившейся руки залепил в висок рыжему, бросившемуся на помощь товарищу. Развернувшись вокруг своей оси, тот, удивленно хмыкнув, рухнул на асфальт. Четвертый, с бритым наголо черепом, кинулся на Антона, словно кошка. Убрав корпус чуть в сторону, Антон схватил его за шею и помог перелететь через выставленную вперед ногу. Со страшным грохотом лысый снес теменем ограждение павильона и застыл без движения, распластавшись на асфальте. Пятый член компании не стал испытывать судьбу и отбежал на несколько метров. В это время Антон увидел возникших будто из-под земли милиционеров. Двое сразу подскочили к нему и, схватив за руки, пригнули, словно опасаясь, что он убежит. Один присел на корточки перед бритоголовым.

* * *

Завязшее в зените афганское солнце нещадно палило. Его лучи жгли плечи даже через одежду и накидку, которую дал проводник. С непривычки резало от яркого света глаза. В них словно попал песок. Сайхан на ходу вытер градом катившийся из-под нуристанки – войлочного колпака – пот и, сощурившись, огляделся. Безжизненные скалы, серые горы, выжженная желтоватая трава и раскаленная, избитая копытами ишаков, узкая дорога, которой, казалось, не будет конца.

Они уже три часа в пути. Оставив джип в небольшом кишлаке близ Тарвы, куда приехали накануне вечером, с рассветом, быстро перекусив, двинулись горными тропами на восток. Сайхан Ирисбиев по кличке Хан шел на север Пакистана, в одно из селений пуштунских племен. Туда, где на узкой полосе, протянувшейся вдоль афганской границы, никогда не бывала полиция и куда не совались военные. Неделию назад, в Москве, он со своими верными людьми – угрюмым здоровяком Мансуром Гелисхановым, прозванным Утюгом, и еще молодым, круглолицым Ансалту Бажаевым – сели в душанбинский поезд. Дальше, от столицы Таджикистана, чеченцы за пять часов на старенькой «Ниве» добрались до пограничного кишлака Саринамак, расположенного на берегу Пянджа. Водитель машины одного из лидеров таджикской оппозиции, благополучно миновав несколько милицейских и военных постов, уже в обед передал эмиссара и его сопровождающих на попечение человека, который на протяжении всего времени после развала Союза занимался перевозкой наркотиков. С его помощью они переправились через реку на плоту, сделанном из тонких жердей с привязанными к ним бычьими желудками, наполненными воздухом. На земле Афганистана их уже поджидал Хабибула. Афганец сносно говорил на русском. Он жил в Кабуле, когда была война с «шурави», а потом часто навещался в Таджикистан. С собой Хабибула привез традиционную одежду афганцев и сразу заставил чеченцев переодеться. В партугах – стянутых у пояса широких шароварах, – в длинных, расклешенных книзу куртках из хлопчатобумажной ткани и безрукавках-садрый горцы поначалу чувствовали себя неудобно. Однако вскоре привыкли.

После небольшого отдыха в одном из домов, расположенных на окраине Таклукана, на старом джипе «Тойота» тронулись в путь. До Баглана эмиссары не встретили ни одного аме-

риканского патруля или блокпоста. Лишь один раз пролетел высоко в небе вертолет, и все. Дорога пошла вверх. Хабибула ловко управлял джипом, оставляя за собой одну за другой попутные машины. Чеченцы молчали, опасаясь отвлекать разговорами проводника, который, ко всему, накурился гашиша. С опаской поглядывая в ущелья, между кромкой которых и проезжей частью не было никаких ограждений, они молили бога, чтобы афганец не нырнул туда вместе с ними. На обочинах то и дело стали встречаться искореженные корпуса ржавеющей бронетехники. Много ее валялось и внизу. Вскоре потянулись небольшие тоннели, чередующиеся с мощными бетонными карнизами, защищающими дорогу от осыпей и камнепадов. Построенные десятки лет назад еще советскими специалистами, они сейчас находились в плачевном состоянии. Не доезжая нескольких километров до Саланга, оказались в пробке перед шлагбаумом. Машины пропускали группами, по несколько штук. Через полчаса стояния двинулись дальше. Миновав пост, въехали в тоннель. Он не освещался, а из-за неработающей вентиляции от выхлопных газов слезились глаза. Дорожное покрытие в нескольких местах было разворочено. Треть всего пути оказалась вовсе покрыта льдом. Уже через пять минут езды Хану стало казаться, что они не выедут отсюда, поэтому, когда оказались по другую сторону перевала, он про себя поблагодарил Аллаха. Чем ближе чеченцы подъезжали к столице Афганистана, тем дорога становилась лучше. Первый раз их остановили, не доезжая Кабула каких-то двадцать километров. Это были афганские полицейские. Они не проверили документы и машину, но долго о чем-то говорили с проводником, бросая настороженные взгляды в сторону пассажиров. Однако, чем дальше на юг продвигались, тем чаще встречалась американская техника. Несколько раз их подвергли тщательному досмотру. Как ни странно, обшарив на одежде все складки, американские солдаты не удосужились заглянуть в машину, где под задним сиденьем лежали два автомата. Чеченцы бойко отвечали на стандартные вопросы, благо, что все трое обучались здесь несколько лет назад в одном из лагерей по подготовке боевиков. Целью столь опасного и долгого путешествия Сайхана и его людей была встреча с одним из членов «Аль-Каиды» арабом Кори Мухаммад Джамалем. Так, с остановками на ночь в небольших кишлаках, на четвертые сутки они оказались у границы с Пакистаном.

...Неожиданно проводник остановился. Шедший за ним Мансур едва не налетел на афганца.

– Пришли. – Хабибула вынул из-под полы халата бинокль и протянул Сайхану. – Вон смотри, на гора флаг. Мы уже в Пакистан.

Измотанный жарой Хан отвел руку афганца:

– Так вижу. Долго еще?

– За горой кишлак будет. Там машина ждет...

Ансалту удивленно хмыкнул:

– Если бы мне кто-то сказал, что мы так легко из Москвы доберемся до Пакистана, я бы плюнул этому человеку в лицо. Наши братья на переход в Грузию тратят больше времени и нервов.

Хан задумчиво посмотрел на своего помощника. В чалме, с покрытой густой черной порослью нижней частью лица, чеченец не отличался от коренных афганцев.

– Впереди еще долгий путь, – напомнил он Бажаеву и, словно ища подтверждения своим словам, перевел взгляд на проводника.

Не понимая странной речи, афганец лишь вздохнул, развернулся и направился дальше. Сразу за хребтом взору открылась огромная долина, со всех сторон окруженная горами. По ее границам, у подножий огромных исполинов, наверху которых можно было увидеть снег, расположилось сразу несколько кишлаков. Идти стало легче. Спустя час они оказались на улице селения, образованной двумя рядами сложенных из глиняных кирпичей домов. Лишь в нескольких жилищах были застеклены окна. Некоторые крыши, сделанные с небольшим наклоном внутрь двора, имели по периметру невысокое ограждение. Хан уже знал – ночью в

летнее время там спят. Пахло кислым козьим молоком и дымком. Повсюду были дети. Босые и чумазые, в одних драных рубашках, они при виде незнакомцев замолкали и норовили спрятаться за взрослых либо вовсе исчезнуть.

Дойдя до середины улицы, проводник остановился у почерневшей от времени и отшлифованной руками деревянной калитки в сложенном из камней заборе. Оглядев своих подопечных и словно убедившись, что никто не отстал, вошел во двор. Чеченцы последовали его примеру.

В тени хозяйственных построек, сидя на корточках перед расстеленной прямо на земле тряпкой, какой-то подросток собирал автомат Калашникова. Увидев гостей, встал и что-то сказал.

– Пройдите с ним, – обернувшись к Сайхану, едва слышно проговорил проводник. – Здесь живет мой двоюродный брат. Сейчас его нет.

Дом состоял из нескольких изолированных комнат, каждая из которых имела отдельный вход со двора. Пройдя следом за подростком, чеченцы оказались в небольшом помещении с единственным окном. Пол был застелен старым, но чистым ковром. В углу стопкой сложенные курпачи – тонкие стеганные матрацы. В нишах, сделанных прямо в стенах, стояла посуда. Отдельно лежал Коран. Под потолком – лампа «летучая мышь».

– А говорят, что здесь богато живут, – хмыкнул Утюг, усаживаясь на пол у стены. – Ведь всю Россию и Европу героином завалили.

Хан с Ансалту последовали его примеру.

– Просто этим людям достаточно такого быта, – оглядев интерьер, высказал свое мнение Хан. – Да и наркотиком здесь не все занимаются. Он в основном из Афганистана идет.

На пороге появился проводник.

– Машина уже ждет. Сейчас пообедаем, и можно ехать.

* * *

– Значит, ваши документы остались в пансионате? – недоверчиво глядя на Регину, переспросил милиционер.

– Да. – Она приподнялась со стула. – Могу принести.

– Не стоит, – старший лейтенант покачал головой. – В крайнем случае, я могу туда позвонить. – Он вновь перевел взгляд на Антона: – Выходит, эти хулиганы еще раньше шли на конфликт с вами?

– Да ладно, – Антон отмахнулся. – Ничего же не случилось.

– Как же?! – Милиционер откинулся на спинку кресла. – Я так не считаю. У одного из них явное сотрясение мозга, у второго подозрение на перелом челюсти. Если бы не официантка, которая сразу подтвердила факт того, что инициаторами драки были они, я сейчас вынужден был бы вас задержать. Ну, а пока свободны.

Он отодвинул от себя папку, в которую сложил протокол.

– Спасибо. – Антон поднялся, но, сделав шаг, замер и медленно развернулся. – Кстати, а этот парень...

– Лютый? – догадался, о чем хочет спросить Антон, милиционер. – Да как вам сказать? – Он выдвинул ящик стола и достал оттуда несколько листов стандартной бумаги. – Мы его по своим каналам пробили. Нигде не числится. Документов никаких. Живет тут в сарайчике у одной бабки. По хозяйству ей помогает. Я с ним несколько раз общался. Вернее, он сам приходил, – поправился милиционер. – Бормочет что-то, про какую-то лабораторию. Вот, даже схемы нарисовал...

– Можно посмотреть? – Антон вопросительно посмотрел на старшего лейтенанта.

– Пожалуйста. Все равно они никуда не пойдут. Игра больного воображения, – он вздохнул.

Антон взял листки и вновь медленно опустился на стул. На одном были перечислены несколько чеченских имен и фамилий. Чуть ниже – изображенная от руки схема местности. Антон без труда узнал район Чечни и часть Грузии. Пунктиром был обозначен чей-то маршрут движения. На другом, в строгом соответствии с правилами топографии, план какого-то сооружения в горе. Но больше всего Антона поразило, что Лютый нарисовал все это на фоне координатной сетки, составленной, скорее всего, по памяти. Возможно, конечно, что цифры также были придуманы, а если нет?

– Мы его пытались в психиатрическую клинику определить, не вышло, – продолжал между тем милиционер. – Вернее, врачи продержали его у себя с недельку и выпустили. Им ведь тоже нужно основание, чтобы у себя держать. А у него ни родственников, ни документов, ни постановления суда. Бабулька и забрала, у которой он с самого начала обитал. Зовут Алексей, фамилия Иванов.

– С каким диагнозом?

– Я в этом плохо разбираюсь, но что-то связано с травмой, – милиционер пожал плечами. – У него вся голова в шрамах. Помнит, что жил в большом городе. Речь бессвязная. Говорит с трудом.

– Вы не дадите мне это? – Антон повертел листки и вопросительно посмотрел на старшего лейтенанта. – А заодно и адрес, где можно найти Лютого.

– А зачем? – вопросом на вопрос ответил милиционер.

– Я служу в Генеральном штабе, мог бы попытаться проверить, кто он и откуда взялся. Не исключено, что Лютый – бывший офицер. Уж очень грамотно для умалишенного составлены схемы.

– Слушай, подполковник, – задумчиво глядя на Антона, заговорил старлей, – ты меня заинтриговал. Давай поступим следующим образом: завтра сделаешь ксерокопии, а оригиналы вернешь мне. На всякий случай. Мне этот кадр тоже здесь особо не нужен. Лишняя головная боль.

– Идет. – Антон подхватил Сережку, все это время тихо сидевшего рядом с матерью, и направился к выходу.

– И держи меня в курсе, – крикнул уже вдогонку милиционер. – Кстати, неплохо для обыкновенного штабиста дерешься!

– Зачем тебе этот Лютый? – спросила Регина, когда они оказались на улице.

– Возможно, он действительно был в плену у чеченцев. Я хорошо знаю район, который он нарисовал. Сейчас надо просто проверить, правильно ли составлена координатная сетка относительно местности.

– И что это даст? – удивилась Регина.

– Понимаешь, – Антон задумчиво почесал бровь, – это очень специфические знания. Выходит, Лютый когда-то работал с картой и имел прекрасную память.

Уже смеркалось. Набережная заполнилась отдыхающими.

– Может, поужинаем? – Регина вопросительно посмотрела на Антона.

– Давай все необходимое с собой возьмем? – предложил Антон. Ему не терпелось убедиться в своих предположениях.

Спустя полчаса, купив по дороге хлеб, колбасу и сыр, они уже были в номере. Регина сразу поставила чайник и принялась делать бутерброды. Антон взял спутниковый телефон и вышел на балкон. Взвесив все «за» и «против», набрал номер Дрона.

– Ты сейчас где? – едва капитан ответил, спросил Антон.

– В учебном центре, – с тоской в голосе ответил Василий. – Нас шеф опять гонял как тузиков.

– У меня одна просьба будет, – он расправил листок: – Проверь по «сотке» отметку две семьсот пятьдесят один. Это на половине пути между горой Тебуластама и Кал-Хилоем.

– Шеф, ты не перегрелся на солнце? – Голос Дрона сделался вкрадчивым. – Очнись, ты на море, а не в Чечне. Или заблудился?

Капитан был в своем репертуаре.

– Брось свои шутки, – Антон разозлился. – Перезвонишь.

– Зачем перезванивать? – заторопился Дрон. – Передо мной как раз карта... Сейчас... Вот, пожалуйста, 91 – 64, по «улитке» семь. А что?

– Конец связи. – Антон отключился и почесал антенной висок. Все сходилось. Он вернулся в номер и стал одеваться.

– Ты куда? – удивилась Регина.

Антон посмотрел на стол, где уже дымились чашки с кофе и стояла тарелка с бутербродами:

– Потом поужинаю.

На улице совсем стемнело. Набережная утонула в свете рекламных щитов, мигала и взрывалась разноцветьем аттракционов. Отовсюду гремела музыка. Пройдя вдоль моря, он свернул в сторону центра и вскоре был на другой стороне городка. Здесь было тихо. Редкие фонари скупо освещали неасфальтированную улицу. Палисадники небольших домиков распирала деревья, ветви которых нависали над самой дорогой.

Подойдя к невысокому забору, где над почтовым ящиком красовался нужный номер, Антон осторожно постучал в калитку. Тишина. Он приподнялся на цыпочки и заглянул во двор. Деревянный настил, ведущий к увитой плющом веранде, над входом в которую горела лампочка, был тщательно выметен. В дальнем углу – собачья будка. Антону вдруг показалось, что за ней промелькнула какая-то тень, раздался шорох.

– Хозяева! – крикнул Антон и несколько раз ударил носком кроссовки в ворота.

В доме вспыхнул свет, и на пороге появилась невысокая женщина в платье, поверх которого была накинута куртка.

– Кто здесь? – Женщина испуганно огляделась. – Барсик, ты где?

– Извините, – Антон толкнул калитку и встал в проходе, – это я стучал.

– Что вам надо?

– Мне бы с вашим постояльцем поговорить.

– А зачем? – В голосе бабки появились нотки раздражения. – Опять парня мучить будете? Он ведь ничего плохого никому не сделал. Чего вы ходите?

Антон догадался, что хозяйка дома приняла его за милиционера.

– Вы выпустите?

– Входи, коль пришел, – сокрушенно вздохнула старушка и направилась к собачьей будке. – Что же собака не лает? Никак отвязался и убег, – проговорила она себе под нос.

Антон неторопливо дошел до крыльца, следя за силуэтом женщины. Неожиданно она встала и запричитала:

– Господи, да что же это такое? Барсик! Ах!

Почувствовав недоброе, Антон бросился к женщине, и вовремя. Едва успев подхватить ее под руки, он увидел лежащего на земле пса. Его горло было обезображено огромным порезом.

– Кто это мог сделать? – Антон огляделся по сторонам. – Может, ваш постоялец? Где он?

Втягивая со всхлипами воздух, бабка подняла руку, показывая в направлении темнеющей в саду постройки.

Придерживая старушку, он провел ее в дом. Здесь пахло геранью, урчал холодильник. Стол, у окна газовая плита и старенький сервант с посудой представляли все убранство кухни, на которой они оказались.

– Где у вас валерьянка?

– В комнате, – едва слышно проговорила женщина. – В шкафу...

Антон усадил женщину на табурет.

– Сейчас принесу воды.

– погоди, сынок, – бабка ухватила его за руку. – Пойди глянь, что с Лешкой...

– Кто это? – не сразу понял Антон, о ком речь.

– В сарайчике он... Фонарь возьми, – она взглядом показала на подоконник.

– Сейчас, – наконец до Антона дошло, что женщина имеет в виду Лютого.

Выскочив во двор, он осторожно направился в сад. Дверь в небольшую, сделанную из досок постройку была открыта.

– Эй, есть тут кто?! – пожалев, что не прихватил с собой пистолет, крикнул он в темноту.

Изнутри послышался едва различимый шорох. Что-то звякнуло.

Антон огляделся по сторонам. На расстоянии нескольких шагов ничего не видно, но фонарь включать не спешил. Мало ли? Вдруг у Лютого окончательно сорвало крышу? Чего стоит такому сунуть ножом, которым только что убил собаку, в живот уже человеку! Осторожно пошел вперед. У самого порога остановился и присел, весь превратившись в слух. Постепенно глаза привыкли к темноте, и прямо перед собой он различил светлое пятно. Протянув руку, осторожно коснулся его. Это был человек.

– Эй, парень! – Антон нащупал плечо и потряс. Раздался стон.

Это что еще за чертовщина?! Выпрямившись, он отступил на шаг и осветил вход. Лютый лежал в дверях. На нем были та же рубашка и штаны, в которых он был на пляже.

Посветив по сторонам, Антон присел перед ним на корточки и, отложив фонарь в сторону, попытался приподнять парня. Однако едва он обхватил его за туловище, как сразу почувствовал, что живот Лютого в чем-то липком и горячем.

«Испачкался в крови, когда пса кончал, а сейчас в расстроенных чувствах горюет», – усмехнулся про себя Антон, пытаясь найти орудие убийства несчастного Барсика. Однако в руках убогого ничего не было. Антон перевернул его на спину и обомлел. Поперек лица, от самой надбровной дуги до подбородка, через глаз, тянулся порез, из которого текла кровь. На животе рубашка вздулась и набухла кровью. Взял руку за запястье. Пульс едва прощупывался. Погасив фонарь, Антон бросился в дом.

Женщина так и сидела на том самом месте, где он ее оставил. Когда Антон шагнул через порог, она подняла глаза. В тот же момент и без того бледное лицо несчастной исказила гримаса ужаса. Антон посмотрел на себя. Рубашка, руки и брюки были в бурых пятнах.

– Вы только не волнуйтесь, – он вздохнул. – Надо срочно вызвать «Скорую» и милицию. На вашего постояльца кто-то напал.

* * *

Вопреки ожиданию, путешествие на машине оказалось для чеченцев не менее тяжелым испытанием, чем переход через границу. Сначала долго тряслись на стареньком джипе без верха по давно заброшенной дороге. Когда Хан уже стал чувствовать тошноту, наконец выехали на шоссе. Навстречу замелькали разрисованные пестрыми узорами грузовики. По обе стороны дороги потянулись глинобитные кишлаки. То и дело попадались машины с вооруженными людьми. Дорога петляла меж гор, нависая над ущельем. Справа практически отвесная скала. Лишь местами на склонах можно было увидеть одинокое дерево с причудливо изогнутым стволом или порыжевшие от зноя кустики.

Вскоре миновали мост через небольшую, но быструю речку и вновь свернули в сторону границы.

– Долго еще? – не выдержал Утюг.

– Совсем мало, – ответил сидевший за рулем афганец, которому их передал проводник.

«Совсем мало» на деле оказалось еще около двадцати километров по бездорожью. Машина едва тащилась, поднимая колесами клубы пыли. Наконец за очередной горой взору открылся кишлак. Остановившись у второго от края дома, водитель взял автомат и вышел. Его примеру последовали и остальные.

– Здесь будете жить, – входя во двор, пояснил проводник.

– Мы сюда не жить приехали, – Сайхан вздохнул. – Нам Кори Мухаммад нужен.

– Он скоро будет, – уклончиво ответил проводник.

Два дня эмиссары находились в неведении. Мансур с Ансалту, чтобы скоротать время, играли в нарды. Сайхан либо сидел во дворе, либо спал. Это жилище было намного лучше, чем то, в котором они устроили небольшой отдых сразу после перехода границы. Здесь был невысокий деревянный столик, а на вмонтированной в стену полке стояли небольшой телевизор «Sony» и видеомаягнитофон. Обычных телевизионных программ не было из-за гор. С десяток старых видеокассет, в основном с записями духовных проповедников и индийскими фильмами, лежали рядом. Три раза в день приходил подросток с закутанной в шаль уже немолодой женщиной. С утра она сворачивала ковер, поливала пол водой и тщательно подметала. После этого убирала во дворе. Потом подросток приносил кувшин, тазик и полотенце. Боевики умывали руки. Он же накрывал на стол. Утром был плов и чай. В обед – суп из домашней лапши, напоминающий лагман.

Наконец на третий день появился мужчина, который привез их в селение. Было еще рано. Чеченцы только закончили утренний намаз.

– Кори Мухаммад ждет вас, – поприветствовав эмиссаров, проговорил вполголоса проводник.

Выйдя на улицу, Сайхан удивился большому количеству вооруженных людей в белых одеждах, толпившихся рядом с машинами у одного из домов на другом конце аула.

– Это охрана Мухаммада? – спросил он проводника.

– Нет, – покачал тот головой. – Свадьба.

– Зачем оружие? – удивился Сайхан.

– Стрелять в воздух будут, – улыбнулся проводник.

Кори Мухаммад Джамаль встретил эмиссаров во дворе большого дома, в буквальном смысле подпирającego скалу. Строение, казалось, было ее частью. Мухаммад был среднего роста, со смуглым лицом и окладистой, выбеленной сединой бородой. В белоснежной чалме и длинной рубахе, он, перебирая четки, о чем-то говорил с каким-то стариком, который опирался на отшлифованный руками посох.

При появлении гостей Мухаммад лишь едва заметным кивком головы ответил на приветствие и показал рукой на вход в дом. Разувшись, боевики прошли внутрь жилища.

– Знаешь, как переводится имя Кори? – усевшись у стены, шепотом спросил Сайхан Мансура.

– Знает Коран наизусть, – ответил Утюг, осматривая закрепленное напротив, прямо на ковре, зеленое знамя и лежащие под ним розовые подушки.

Когда Кори Мухаммад появился в дверях, чеченцы встали. Оставив у порога кожаные сандалии, араб неторопливо прошел в комнату и опустился у противоположной стены.

– Кто из вас Сайхан? – обведя эмиссаров изучающим взглядом, спросил он на хорошем русском.

– Я. – Хан слегка поклонился.

– Устраивайтесь поудобнее. – Мухаммад посмотрел на дверь, занавешенную куском синей материи, и что-то сказал на непонятном чеченцам языке. Затем перевел взгляд на эмиссаров: – Сейчас принесут чай. Рассказывайте, как добрались?

– Спасибо, нормально. – Хан в знак благодарности коснулся правой рукой груди.

– Я не просто так пожелал, чтобы ваш путь лежал именно через Афганистан, – Мухаммад вытер пальцами уголки губ. – Это самый удобный маршрут. Именно так мы будем отправлять груз.

– Что он собой представляет? – Хан испытующе посмотрел в глаза Мухаммаду. – Мы даже не знаем.

Мухаммад открыл было рот, чтобы ответить, но тут из-за занавески появился молодой мужчина с редкой козлиной бородкой, одетый в длинную, почти до колен, рубашку из серого материала. В руке он нес чайник. Быстро разлив красноватую жидкость по пиалам, мужчина вопросительно посмотрел на Мухаммада. Тот лишь махнул рукой, давая понять, что больше ничего не нужно.

– Груз не займет много места, – заговорил араб, после того как мужчина вышел. – Не имеет запаха, потому что герметично запакован. Но требует осторожного обращения. Жидкость находится в стеклянных ампулах, которые в свою очередь спрятаны в корпус из-под фотоаппарата. Если сломать хотя бы одну, будет большая беда.

– Смерть наступает быстро? – Сайхан вытянул шею, стараясь не пропустить ни слова.

– Нет, – покачал головой Мухаммад. – В том-то и вся коварность этого препарата. Пройдет от пяти до двадцати дней, прежде чем у человека резко поднимется температура, а тело покроется язвами. Он будет бредить и очень быстро умрет после появления этих симптомов. Поэтому его надо применить одновременно в нескольких частях этой страны шайтанов. Тогда русские не смогут быстро понять, что происходит. Лечить эту болезнь можно. Но, пока врачи разберутся, с чем столкнулись, много людей покинет этот мир. И еще, – он внимательным взглядом обвел всех троих чеченцев. – Она быстро передается от одного человека к другому. Если кто-то из ваших моджахедов вступит в контакт с зараженным или в его руках сломается ампула, то от него лучше сразу избавиться. Часть жидкости, а те, кто ее ждет, уже знают об этом, должна быть разлита в баллоны с аэрозолем. Нужно будет распылить их в метро. Вы подготовили пленных?

– Да, – медленно кивнул Хан. – Пока их девять. Все из разных частей, как и говорил ваш человек.

– Надо больше. В тот день, когда поступит сигнал, вы должны вывезти их в одно из селений поближе к Грозному и совершить «акт доброй воли», – он пригладил рукой бороду, словно убеждаясь, что она на месте. – Перед этим дайте им зараженной воды. Люди станут опасными, когда большинство из них будет на пути домой в самолетах и поездах.

– Мы давно решили, как поступим. Передача пленных произойдет в Курчалое, – уловив момент, заговорил Хан. Он не хотел тратить время на обсуждение вопроса, который был уже давно продуман. – Уже сейчас я распорядился, чтобы их хорошо кормили и не били. В противном случае после передачи этих кафиров отправят в госпиталя. Как правило, доведенных до истощения военных после освобождения из плена держат там очень долго. А вы сами сказали, что болезнь может проявиться уже на пятый день. Врачи могут обнаружить, что они больны, и никто не доедет до России. Чтобы командование быстрее шевелилось, мы сначала оповестим о нашем решении родственников тех, кто находится в плену. Я уверен, многие матери приедут прямо к месту возврата своих детей. В таком случае они задержатся в Чечне не больше чем на неделю.

В течение нескольких месяцев люди Хана собирали пленников по всей Чечне. Кого-то выкупали в других отрядах и горных аулах, кого-то захватывали сами. Благо в республике царил относительное затишье и военные начали терять бдительность. Все чаще можно было увидеть на рынках одного-двух бойцов или даже офицеров без обычного сопровождения. Стали появляться на дорогах одиночные машины. По условию, которое выдвинул представитель араба Нурды, боевики не брали тех, кто был старше двадцати пяти лет. Он объяснял это тем, что люди в возрасте попросту скончаются в первый же день после заражения. Но Хан

был достаточно образован и уже знал, что все дело в прививках, которые перестали делать в конце восьмидесятых годов прошлого века. Не надо было иметь много ума, чтобы догадаться: в руки «Аль-Каиды» наконец попала натуральная оспа, которую тут же было решено испытать в России.

– Денег вам дадут достаточно, – вздохнув, продолжил Мухаммад. – Постарайтесь использовать их по назначению.

– Не беспокойтесь. Каждый доллар превратится в каплю крови неверных, – заверил Хан. – Когда вы помогали нам через посредников, много оседало в карманах нечистых на руку людей. Сейчас этого не будет.

– Я заметил, как в самом начале разговора на ваших лицах появилось недоумение, – взгляд араба сделался насмешливым. – Не ожидали, что обойдусь без переводчика?

– Вы очень хорошо говорите по-русски, – почувствовав переход от делового разговора к обсуждению обычных тем, впервые посмел подать голос Ансалту.

– Я долго учился в Советском Союзе. – Мухаммад выдержал паузу, и, судя по его виду, специально, чтобы насладиться произведенным впечатлением от того, что он скажет дальше: – В середине семидесятых окончил Ленинградский медицинский институт имени Павлова.

Сайхан удивленно хмыкнул:

– Теперь понятно, почему именно вы с нами говорите.

– Жизнь заставила врача превратиться в воина, – развел руками Мухаммад.

Глава 2

Известие о том, что кроме собаки порезан еще и постоялец, шокировало хозяйку дома. Глядя широко открытыми глазами на Антона, она прикрыла ладошкой рот и попыталась встать, но вновь обессиленно опустилась на табурет.

– Мне нужны бинты и полиэтилен, – доставая сотовый, сказал он и набрал номер дежурной части. Быстро продиктовав ответившему на звонок милиционеру адрес и в двух словах объяснив, что произошло, вернулся во двор. Пройдя к сарайчику, зашел внутрь. Пошарив по стене рядом со входом рукой, нащупал выключатель. Желтоватый свет электрической лампы выхватил из темноты лежащего на полу Лютого. Полуприкрытые веки слегка подрагивали. Антон оглядел комнатку. Раскладушка, стол, стул. На вбитых в стену гвоздях висели куртка и плащ. Никого. Присев на корточки перед раненым, расстегнул рубашку и оголил живот. Из пореза пузырились зеленоватые канаты кишок. Лютый жалобно застонал и открыл глаза.

– Потерпи, – подбодрил его Антон. – Скоро приедут врачи.

Наконец со стороны дома послышались шаркающие шаги и вздохи. Опасаясь, что вид Лютого еще больше напугает бабку, Антон вышел навстречу.

– Вот бинт, вот пакет, – протянула она руку. – Может, его в дом сначала?

– В таком состоянии нельзя, – разрывая упаковку, покачал головой Антон. – Вы идите, встречайте врачей и милицию, а я пока перевяжу.

– Хорошо, – всхлипнула бабка и, слегка пошатываясь, направилась обратно.

Антон вернулся к Лютому. Парень беззвучно шевелил губами. Приложив к внутренностям полиэтилен, Антон быстро перебинтовал его. Затем похлестал по щекам.

– А-а! Больно, – простонал раненый.

– Кто тебя так? – Антон потряс его за подбородок.

– Джамбулат, – парень жалобно всхлипнул.

У ворот скрипнула тормозами машина. Захлопали дверцы, послышались шаги и приглушенные голоса. Антон поднял голову. Через двор, вслед за хозяйкой, в его сторону спешили несколько человек. У одного из них в руках зажегся фонарь.

– Кто обнаружил тело? – спросил остановившийся рядом с Антоном мужчина.

– Я, – Филиппов выпрямился. – Он живой.

– Разберемся, – отодвигая в сторону Филиппова, мужчина склонился над Лютым: – Ты видел, кто на тебя напал?

Бедняга испуганно таращился на милиционера и что-то мычал.

В это время подъехала «Скорая». Во дворе появились люди в белых халатах.

Милиционеры стали осматривать сарайчик. Врачи, поколдовав над Лешкой, уложили его на носилки и унесли.

– Нам надо с вами поговорить, – наконец подошел к Антону один из сотрудников. – Пройдемте в дом.

Расположившись за столом, молодой кучерявый, мужчина, назвавшийся Быстровым Игорем Васильевичем, быстро, со слов Антона, заполнил протокол.

– А зачем вам понадобился пострадавший? – выслушав рассказ Филиппова с того момента, как он появился у ворот злополучного дома, до приезда оперативников спросил следователь.

– Я хотел подробнее расспросить Лютого о его прошлом.

– Для чего? – Взгляд Быстрова сделался подозрительным.

– Не исключено, что он бывший военнослужащий. – Антон на секунду задумался, собираясь с мыслями, и в двух словах описал события, которые послужили причиной его появления в этом доме.

Вошли двое коллег следователя. Один держал в пакете нож.

– У забора нашли. – Он навалился плечом на дверной косяк.

– Странно получается, – следователь перевел взгляд с опера на Антона. – Потерпевшим, со слов хозяйки дома, никто не интересовался, кроме участкового. Тут в Осиновке появляетесь вы. Днем из-за него у вас возникает конфликт с группой молодых людей, вследствие чего вы оказываетесь в отделении. Там, в ходе разбирательства, вновь проявляете интерес к человеку, которого совершенно не знаете, а вечером того же дня оказываетесь сразу после нападения на Иванова рядом...

– Хочешь сказать, – Антон вскинул на Быстрова удивленный взгляд, – что я сначала грохнул собаку, потом этого Лешу и сам же вызвал милицию? Для чего?

– Все возможно, – следователь зевнул. – Допустим, вы были знакомы до того, как он умом тронулся.

– Это нетрудно проверить, – Антон повеселел. – Можно об этом у самого Лютого и спросить.

– Пока это нереально, – на полном серьезе ответил Быстров. – Кроме того, что он и так плохо соображает, теперь еще и ранен.

– Кстати, шеф, – неожиданно подал голос стоящий у дверей оперативник. – Насчет проблем с головой у потерпевшего. Может, он их ему и создал?

– А что? – Сощурившись, следователь выжидающе уставился Антону в глаза. – Не исключено!

– Угу. – Антон закинул ногу на ногу и вздохнул. – Этот парень пару лет назад на лимон «зелени» меня кинул, а я его нашел. Потом, требуя возврата долга, отшиб мозги, но бедолаге удалось бежать. Теперь вот снова вычислил гада...

– Так или не так, разберемся. – Быстров посмотрел на часы. – А пока проедете с нами.

– Вы что, серьезно?! – Антон опешил.

– Нет. Понарошку, – съязвил опер и достал наручники.

– Погодите! – Антон встал. – Давайте рассуждать трезво. Я понимаю, вам не хочется разбираться до утра, но и я не собираюсь торчать в камере эту ночь. Ответьте на один вопрос. Допустим, я пришел сюда, чтобы свести с Ивановым счеты. Убил собаку, а потом ранил его. Но ведь он жив! Почему, вместо того чтобы довести дело до конца, а потом разыграть из себя человека, случайно оказавшегося сразу после покушения рядом, я оказал ему помощь?

– Все просто, – опер, стоящий у дверей, подошел к Антону и защелкнул на запястье наручник. – Ты не хотел его убивать, а просто решил пообщаться. Только Лютый этого не пожелал, а попытался тебя грохнуть. Защищаясь, ты выпустил ему кишки.

– Просто у вас все, – Антон хмыкнул. – Только с вами я не поеду. Ждите завтра с утра.

С этими словами он выхватил у оперативника второй браслет и, не дав опомниться, убрал руку с наручниками за спину.

– А пока ключи.

– Отстегни его, – неожиданно скомандовал следователь. Скорее всего, в последний момент он почувствовал, что человек, которого они собирались задержать до утра, в случае невиновности не будет, подобно другим, отмалчиваться, а создаст проблемы. – Только мы, на всякий случай, доедем с ним до «Прибоя». Мало ли, – он взял со стола папку и, поднявшись со стула, перевел взгляд на Антона. – Вдруг ты там не живешь?

– Мне еще лучше, – Антон повеселел. – Не придется тащиться пешком.

* * *

Фрэнк проснулся в три сорок. Он знал это точно, даже не глядя на часы. Четвертый день в Кабуле начинался одинаково тоскливо: лежа на двухместной кровати, Фрэнк через полуприкрытые веки наблюдал за выползающим из-за горной гряды светилом. Окно тесного номера гостиницы «Зарнегар» выходило на юго-восток. Из-за того что Афганистан опережает Гринвич на четыре с половиной часа, около пяти солнце уже полностью всходило.

За фанерной перегородкой в соседнем номере послышалась возня. Заработало радио. Сосед, журналист из Англии, что-то напевая себе под нос, вышел в общий коридор. Скорее всего, в туалет, посмотреть, есть ли вода. Фрэнк про себя усмехнулся. Везет же людям. Даже в этой дыре у них хорошее настроение. Он вздохнул и перевернулся на другой бок. Спать не хотелось. Вернее, он боялся уснуть. С завидным постоянством в ночных кошмарах он видел практически одно и то же. Либо себя на электрическом стуле, либо город, усыпанный множеством трупов с обезображенными страшными язвами лицами.

До конца весны Фрэнк был доволен своей жизнью. Преуспевающий специалист в области вирусологии, с хорошим заработком, прекрасной женой и сногшибательной любовницей, занимался интересным делом в одном из исследовательских центров штата Невада. На выходные выезжал в небольшой, но уютный городок к любовнице. В будние дни разыгрывал из себя любящего мужа в доме, который находился на охраняемой территории центра.

Все благополучие рухнуло с наступлением лета. Именно первого июня его вместе с двумя такими же сотрудниками вызвали в кабинет руководителя проекта.

– На территории одной из бывших республик Советского Союза решено создать центр по противодействию биотерроризму, – усадив всех за стол, заговорил шеф. – Это Украина. Недалеко от Киева уже имеется необходимая база. Рядом аэродром. По замыслу военных, в случае применения бактериологического оружия в странах Азии и Восточной Европы в лабораторию будут доставлены образцы необходимых для исследования материалов. Задача персонала – в кратчайшие сроки определить тип оружия, а также препараты, которые позволят локализовать район, избежать распространения эпидемий, в общем, – подготовить все необходимые рекомендации. В распоряжении центра уже имеется специальный банк данных практически всех штаммов болезнетворных бактерий и вирусов, которые находятся на хранении в России, США, Китае и Корее. Вам предложено первыми поработать там. Пока не торопитесь с ответом. Но заранее хочу сказать, что помимо жалованья, которое вы имеете сейчас, у вас будут хорошие командировочные.

Фрэнк воспринял это как подарок судьбы. Еще бы! Полгода свободного времени. Можно наконец оформить свои труды, систематизировать опыты. Он был уверен, реальная работа им не грозит. Откуда у террористов может взяться сибирская язва или натуральная оспа? Фрэнк сам не раз бывал на объектах, где еще хранится эта зараза, и был убежден, что никто не сможет не только проникнуть за многоуровневую систему охраны, но и вынести хотя бы один снаряд, начиненный смертельным порошком. Наверняка так же обстоят дела и в других странах. Миф же о существовании такого оружия в Ираке давно развеян.

В конце недели под предлогом, как всегда, навестить свою больную диабетом мать Фрэнк выехал в Карсон-Сити. Отметившись у старушки, проведя с ней пару часов за скучной беседой, он распрощался и отправился к Хелен. Роскошная брюнетка с алым ротиком и хрупкой фигурой встретила Фрэнка в сногшибательном вечернем платье. Она знала об отъезде, и они решили отметить это дома. А утром... Фрэнк никогда так не пьянел. В этот раз он пришел в себя от того, что кто-то теребил его за подбородок. Открыв глаза, увидел перед собой незнакомого мужчину. Это был высокий и смуглый брюнет с серьгой в ухе. До этого Фрэнк никогда с ним не встречался.

– Вставай, дружище! – брюнет улыбнулся одними губами.

– Кто вы? – Морщась от боли в затылке и натягивая на себя одеяло, Фрэнк сел.

– Газонокосильщик, – отрапортовал незнакомец и бесцеремонно опустил свою задницу рядом. – Ты все помнишь, что произошло ночью?

– Какого черта?! – прохрипел было Фрэнк и осекся. Только сейчас он увидел, что его руки перепачканы кровью. – Что это?

– Я так и знал, – вздохнул газонокосильщик и, встав, отошел к стене. – Ты сам вызовешь полицию или доверишь это дело мне?

– Какую полицию? Зачем? – чувствуя, что ночью произошло что-то страшное, едва слышно пробормотал Фрэнк и огляделся.

В спальне все было перевернуто вверх дном. На стенах следы крови. Он вновь уставился на свои руки.

– Я возвращался под утро из бара, – незнакомец вздохнул. – Услышал крики Хелен. Я хорошо знаю эту женщину и ее прислугу – тетушку Сару.

– И что? – одними губами спросил Фрэнк.

– Вошел во двор, поднялся на крыльцо и позвонил. Дверь открыл ты. Спросил «чего надо?». Я сказал, что шел мимо и услышал шум. Ты ответил, что все нормально, – он пожал плечами. – А сейчас я решил зайти. Дверь оказалась незапертой.

– Хелен! – крикнул Фрэнк и, встав с кровати, стал натягивать на себя штаны.

– Ее нет, – с какой-то затаенной тоской произнес незнакомец.

– Как нет? – Фрэнк плюхнулся обратно. – Она ушла, не предупредив меня?

– Ты убил ее, – ошарашил парень. – Служанку тоже.

– Что?! – еще не веря услышанному, вскричал Фрэнк, чувствуя, как от ужаса отнимаются ноги, а в горле пересохло.

– Вот так, – парень развел руками. – Будем звонить в полицию?

– Да, конечно... Постой, – спохватился Фрэнк. – Но я не мог! Где она?!

– В соседней комнате, – спокойно ответил парень. – Служанка в коридоре. Она пришла утром и, застав тебя за тем, как ты режешь несчастной женщине глотку, подняла крик и бросилась прочь. Но разве может старая женщина спастись от молодого, озверевшего монстра? Ты настиг ее в коридоре...

– Нет! – Фрэнк вскочил и, наконец справившись со штанами, выбежал из спальни.

Хелен лежала рядом с журнальным столиком в луже крови. Тонкую шейку обезобразил огромный порез. Ночная рубашка была в крови.

Он медленно опустился на пол:

– Врешь! Это ты...

– Пусть разбирается полиция, – парень направился к телефону.

– погоди! – вскричал Фрэнк и метнулся к телу. Хелен уже была холодная и чужая...

На негнущихся ногах он прошел в коридор. Прислонившись спиной к стене, здесь сидела служанка. Ее широко открытые глаза глядели в пустоту.

– Так мне звонить? – Фрэнк вздрогнул от раздавшегося над самым ухом голоса. – Выбери, электрический стул или...

– Что?

– Я могу помочь, – хмыкнул парень. – Но не даром.

– Свинья! – Губы Фрэнка затряслись, а перед глазами поплыли круги. – Это ты сделал! Хочешь, чтобы я заплатил? Не выйдет!

– Ты не прав, – парень говорил спокойно. – Я сейчас сообщу в полицию. Пусть разбираются, чьи отпечатки пальцев на ноже и подсвечнике. Чья на тебе кровь и чья кожа под ногтями несчастных женщин...

Фрэнк посмотрел на руки и все понял:

– Мне крышка...

– Не совсем, – возразил парень. – Я могу сделать так, что никто ничего не узнает.

– Что ты хочешь взамен?

– С этого надо было начинать!

Дальше все происходило как в тумане. Парень заставил его принять душ и одеться. Когда Фрэнк, с трудом приведя себя в порядок, вышел из ванной, то увидел в комнате с трупом любовницы еще человека. Рядом стоял чемоданчик. Не обращая на него внимания, тот протира-
рал бокалы, валяющиеся на полу. Вчера вечером они пили из них с Хелен вино...

– Тебе сейчас организуют алиби, – заговорил, не оборачиваясь, мужчина. – Одна женщина подтвердит, что ты провел у нее остаток ночи. Но это на крайний случай. У твоей подружки был еще один парень. Его найдут застрелившимся в гараже. А здесь появятся ору-
дия убийств с его отпечатками пальцев. Под окном будут следы обуви ревнивца. В общем, не дрейфь. – Мужчина наконец обернулся и весело подмигнул Фрэнку. – Я бывший судмед-
эксперт. Все организуем на высшем уровне. Вон, Санчос уже оставляет улики, – он показал
взглядом на окно.

Парень, который разбудил Фрэнка, топтался по газонам.

– На нем обувь убийцы, – пояснил мужчина. – Несчастный работал водителем. Приехал
раньше времени, а твоя подружка занята. Потоптался под окнами до того момента, как ты с
ней расстался, и вошел. А дальше, – он обвел комнату взглядом, – тебе все ясно.

– Как же так? – прохрипел Фрэнк.

– У тебя нет выхода, – с сожалением в голосе проговорил мужчина. – Так или иначе один
конец. Выбирать не приходится.

– Но ведь это же ваших рук дело...

– Попробуй объяснить это присяжным, – мужчина откровенно рассмеялся. – Здесь нет
ни одного моего отпечатка. Впрочем, – он посмотрел через окно на Санчоса, – как и его. Часть
улик с твоими пальчиками уже здесь, – он указал на объемистый кейс. – Кстати, есть и фото.

– Как я понимаю, вы хотите денег?

– Как это банально! – Мужчина усмехнулся, вернул бокал на место и почесал бровь рукой,
на которой оказалась резиновая перчатка. – Вы обо всем узнаете сразу после того, как в ново-
стях расскажут о результатах расследования этого убийства.

Появился Санчос. В руках он держал пакет с кроссовками, в которых бродил под окнами
дома.

– Карсон, ты закончил?

– Да, – мужчина окинул комнату критическим взглядом. – Пошли.

– У меня в гараже машина, – пролепетал Фрэнк.

– Ее уже нет, – покачал головой Карсон. – Вы уехали на ней в два часа ночи. Это под-
твердят и соседи. Сейчас она у вашей новой подружки. Кстати, именно поэтому нам придется
идти через черный ход.

Новые знакомые доставили Фрэнка на другой конец города в дом молодой женщины по
имени Элизабет, а вечером того же дня преуспевающий вирусолог вернулся к жене и детям.
Уже на следующее утро в новостях появилось сообщение об убийстве Хелен ее дружкой, кото-
рый после содеянного покончил с собой прямо в кабине своего трейлера.

За свою работу бандиты потребовали контейнер со штаммами натуральной оспы.
Попытки убедить их в невозможности этого не увенчались успехом. Фрэнку были предложены
деньги, которых было достаточно, чтобы спрятаться от правосудия в той же Северной Корее,
где специалисты его уровня в большой цене. Ему удалось вынести из лаборатории необходи-
мый препарат. Все осложнилось тем, что, кроме этого, от него потребовали отправиться в
Кабул. Латинос, которые работали на террористов, были хорошо осведомлены о его деятель-
ности. От поездки в Киев пришлось отказаться. Под предлогом необходимости поработать в

Афганистане непосредственно в районах, где в данный момент бушевала эпидемия холеры, он выбил у шефа командировку. Не составило особого труда под видом препаратов, необходимых для работы, вывезти и злополучные капсулы с оспой. Вчера прямо в номер какой-то мальчишка принес приспособленный под контейнер фотоаппарат, на котором было выгравировано на английском «Сделано в СССР». Он ловко несколько раз открыл и закрыл крышку, давая понять, что внутри нужно спрятать груз. Теперь Фрэнк ждал людей, которые должны забрать все это и назвать номер его счета с гонораром в один миллион долларов. Они же должны были инсценировать похищение Фрэнка талибами с последующим предъявлением доказательств смерти...

Как и было условлено в разговоре с появившимся утром связным, уже в полдень, трясаясь от страха, Фрэнк вышел из гостиницы и направился в сторону квартала Шахри-Ноу. Переполненный посольствами, различными гуманитарными организациями, с одной стороны, он считался относительно тихим и благополучным на фоне хаотичного и грязного Кабула. С другой – здесь чаще гремели взрывы.

На груди Фрэнка болтался злополучный фотоаппарат. Он им не пользовался. Это попросту было невозможно. Поэтому несчастный вздрагивал, когда вездесущие афганцы, считая, что он репортер, просили их сфотографировать. Еще одним неудобством было преследование попрошайек. С криками «бакшиш» или «один доллар» они сопровождали его на всем протяжении пути от гостиницы до магазина «Хабибс».

Остановившись у входа, Фрэнк огляделся. Повсюду сновали люди, не обращая никакого внимания на странного европейца, к которым здесь уже успели привыкнуть.

– Ты Фрэнк?

Голос с сильным азиатским акцентом заставил вздрогнуть. Фрэнку отчего-то захотелось броситься прочь, выкинуть злосчастный фотоаппарат по дороге и, не возвращаясь в номер, напрямик рвануть в аэропорт. Однако вместо этого он лишь натянуто улыбнулся и кивнул.

Перед ним стоял уже немолодой мужчина. Он не походил на афганца. Одетый в рубашку и светлые брюки, этот субъект больше смахивал на турка.

– Да, это я.

Незнакомец протянул руку. Фрэнк снял аппарат и отдал ему.

– Иди в тот машина, – мужчина небрежно указал в сторону старенькой «Тойоты» и, не говоря больше ни слова, направился прочь.

На негнущихся ногах Фрэнк уселся на заднее сиденье автомобиля. Водитель завел мотор. Почти одновременно все дверцы распахнулись, и в салон устремились еще четверо афганцев. В нос ударил запах немых тел. Но на Фрэнка напала такая апатия, что он не обращал внимания ни на духоту и пыль, ни на другие элементы дискомфорта.

«Наверняка так они организуют мое похищение», – отрешенно глядя в окошко, с тоской подумал он. Машина быстро набрала ход, и, несмотря на хаос, царящий на дороге, они быстро достигли окраины города. Свернув к каким-то развалинам и попетляв между остатками многовековых стен, встали. Люди так же стремительно вышли, как и вошли.

– Выходи! – скомандовал сидевший за рулем человек.

– Где мы? – осипшим от страха голосом прохрипел Фрэнк.

– На пути в рай! – прогремело над самым ухом, и его выволокли наружу.

– Ты сделал хорошее дело для наших братьев, – доставая пистолет, проговорил один из афганцев, – поэтому мы наградим тебя легкой смертью.

– Нет!

* * *

На следующий день, ближе к обеду, Антон приехал в райотдел. К этому времени страсти вокруг его персоны улеглись. Отпечатки пальцев на рукоятке найденного в саду ножа принадлежали другому человеку. Кроме того, один из оперативников связался с Родимовым, и тот подтвердил факт службы Филиппова в Генеральном штабе.

Следователь, который накануне со слов Антона оформлял протокол допроса свидетеля, на этот раз вел себя намного тактичнее и даже извинился за причиненные неудобства.

– Да чего уж там, – отмахнулся Антон. – Мелочи.

– Ну как же, – милиционер откинулся на спинку стула и развел руками. – Жену поволноваться заставили.

– Она к этому привыкла, – Антон усмехнулся. – Я могу знать, о чем рассказал потерпевший?

– Ничего не видел, – следователь с тоской отвернулся в окно. – Он же не в себе, сам понимаешь. Бормочет всякую чепуху.

– Странно, – проговорил Антон.

– Что? – насторожился следователь.

Антон едва не сказал, что вчера ему так не казалось, но решил промолчать.

– Нет, это я так.

После беседы со следователем нужно было еще отыскать дежурившего вчера на набережной милиционера. Поводом для встречи с ним были схемы, составленные Лютым, которые Антон обещал вернуть. Заехав на почту, он отскерокопировал листы и направился в сторону набережной.

Старшего лейтенанта Филиппов нашел в отделении в том же самом кабинете.

– Легко на помине, – поднимаясь навстречу, с кислой улыбкой проговорил милиционер. – Утром из райотдела тобой интересовались. Вернее, вчерашним происшествием, – поправился он, протягивая для приветствия руку. – А сейчас от начальства нагоняй получил за бумажки Лютого.

– Извини, – Антон виновато отвел взгляд в сторону. – Так получилось.

– Да ладно, – старший лейтенант вернулся на свое место и показал Антону рукой на стул. – Садись, рассказывай.

– Я связался со своими, – Антон положил на стол пластиковую папку с бумагами. – Похоже, парень действительно был в плену.

– Даже так? – Брови милиционера взлетели на середину лба. – Интересно.

– Знаешь, о чем попрошу? – Антон посмотрел на дверь и вновь перевел взгляд на сотрудника. – Скажи, пожалуйста, кто кроме тебя знал о нашем разговоре и этих бумагах? – Он постучал пальцем по папке.

– Ты думаешь, покушение на Лютого связано со вчерашним разговором?

– Сам посуди, – Антон уселся поудобнее, – до этого парня никто не трогал. Но стоило проявить к нему интерес, как тут же его находят с порезанным животом.

– Ты находишь, – уточнил милиционер.

– На что намекаешь? – Антон вскинул на старшего лейтенанта удивленный взгляд.

– Да ты не так понял, – усмехнулся тот. – Тебя я не подозреваю, да и не мое это дело.

Так, поправил.

– И все же? – Антон испытующе уставился на милиционера.

– Как ты ушел, я начальнику доложил, и все, – он пожал плечами.

– На совещании?

– Да.

- Значит, там были еще сотрудники?
- Считаешь, что к этому делу причастен кто-то из наших? – Милиционер покачал головой. – Нет, это исключено.
- Не будь категоричным.
- погоди, – неожиданно взгляд милиционера сделался задумчивым, – о том, что ты проявил к Лютому интерес, я там не говорил. А вот потом...
- Что «потом»?
- Был здесь хозяин заведения, где произошла драка, – он потер подбородок, словно силясь восстановить в памяти разговор. – Интересовался тобой и теми, кто все устроил.
- Зачем ему это? – удивился Антон.
- Бойтся за свою репутацию, – хмыкнул старлей. – Здесь с этим строго. Весь бизнес держится на отдыхающих. Бандиты тоже. Стоит о нашем городе пустить плохой слух, и это сразу отразится на финансовом положении местных бизнесменов и криминальных авторитетов. За последние несколько лет – ни одного тяжкого преступления. Если кража, то только заезжие. Чуть что, сами бандиты найдут и разберутся. В какой-то мере такое положение вещей даже облегчает нашу работу.
- Это понятно, – кивнул Антон. – Но какая связь между покушением на Лютого и его появлением?
- Видишь ли, – милиционер замялся. – Этот товарищ раньше в органах работал. В общем, особо от него секретов в нашей среде нет. Так вот я рассказал ему о твоей затее узнать, откуда взялся Лютый.
- Все равно, – Антон пожал плечами, – не вижу связи.
- Больше я никому не говорил, – хмыкнул милиционер.
- Дай мне на всякий случай его координаты.
- Осипов Валерий Львович, – продиктовал милиционер. – Южная, сорок. Частный дом с черепичной крышей. Здесь недалеко.
- Слушай, – Антон уже направлялся к выходу, когда вспомнил, что до сих пор не знает, как зовут милиционера, – извини, но, когда ты вчера представлялся, я не разобрал фамилии.
- Вахрушев, – усмехнулся старший лейтенант. – Зовут Костя. Я участковый уполномоченный.
- Подойдя к джипу, который оставил в тени деревьев на другой стороне улицы, Антон вынул брелок отключения сигнализации, и тут загустевший от жары воздух всколыхнулся, а со стороны здания, которое он только что покинул, раздался страшный грохот. Обернувшись, Антон оцепенел. словно в замедленной съемке, из окон, где располагался кабинет Вахрушева, вылетели стекла, а следом вырвались сгустки черного дыма. На стоянке служебного транспорта завывали сигнализациями машины.
- Мгновения было достаточно для того, чтобы оценить обстановку. Возвращаться нельзя. Ясно, что он окажется главным подозреваемым в организации взрыва и что это подстава. Только чья? – лихорадочно размышлял Антон, уже разгоняя свой внедорожник. Но дело не такое уж и безнадежное. По крайней мере у него уже есть два человека, с кем необходимо пообщаться: это загадочный Джамбулат, имя которого произнес Лютый, и Осипов. Возможно, взрыв как раз дело рук его бывшего сослуживца, ведь он был у Вахрушева накануне. Только зачем? Может быть, попросту свои разборки, а его участие в них – случайность? Так или иначе ехать к Осипову прямо сейчас глупо. Наверняка его уже в самое ближайшее время начнут искать, ведь он последний выходил из кабинета, в котором через минуту прогремел взрыв. Прошел мимо нескольких сотрудников, включая дежурного, а у этой категории людей отличная зрительная память. Интересно, что с самим хозяином взорвавшихся апартаментов?
- Антон выехал на дорогу, огибающую Осиновку. От нее, словно лучи солнца, уходили федеральные трассы, на которых посты. Мозг лихорадочно просчитывал варианты дальнейших

действий. Первым делом нужно было где-то спрятать джип, после чего предупредить Регину, что он исчезает, чтобы не волновалась.

– Раз подставили, значит, на машине за город не выедешь, – протянул он вслух.

Дорога проходила между утопающими в зелени домами, расположившимися на склонах гор.

Неожиданная мысль пришла в голову, когда на глаза попались выкрашенные в серый цвет ворота какой-то воинской части с нарисованными на них российскими флагами.

«Самый надежный из всех безнадежных вариантов», – с некоторым облегчением подумал он.

Проехать КПП с документами подполковника Генерального штаба труда не составило. Антон лишь усмехнулся в зеркало заднего вида тому, как дежурный, едва машина тронулась, метнулся к телефону с явным намерением доложить командованию о визите странного гостя.

Часть оказалась небольшой: несколько одноэтажных казарм, плац и здание штаба, на ступеньках крыльца которого уже стоял немолодой майор.

– Подполковник Филиппов, – выбравшись из машины, представился Антон.

– Вы по плану внезапных проверок? – с тоской в глазах уточнил майор, представившийся Горидовым.

– Да нет, – Антон устало вытер со лба пот, собираясь с мыслями. – Я вообще-то в странной ситуации, у меня командировка, перешедшая в отпуск, но возникли проблемы.

Горидов растерянно посмотрел на него:

– Что, кто-то преследует?

– Мне бы не хотелось говорить об этом здесь, – Антон бросил взгляд в сторону группы офицеров, идущих мимо штаба. – Может, пройдем в другое место?

Оказавшись в кабинете, майор показал рукой на стулья, расставленные вокруг стола для совещаний, и уселся напротив гостя.

– В общем, мне от вас нужно пока только одно, – Антон покосился на телефоны, – чтобы некоторое время мой джип постоял в части.

– Хотите позвонить? – догадался майор.

– Вы же без команды из Москвы будете думать, что вас обманули, а машина участвовала в криминальных разборках, – съязвил Антон. – Еще чего доброго особистам ее сдадите.

Майор отвел взгляд в сторону.

Вскоре «Лексус» Филиппова занял место в одном из пустующих боксов автопарка.

Оказавшись спустя полчаса за воротами КПП, Антон огляделся, усмехнулся недавнему разговору с шефом и с решительным видом направился в сторону моря.

* * *

В отличие от американца, обосновавшегося в «Зарнегаре», Хан со своими людьми поселился в гостинице «Мустафа».

– Тридцать пять долларов за номер! – причитал Утюг. – Хан, я бы спокойно провел ночь в любой чайхане, где есть ночлежка!

– Я согласен с тобой, брат, – послышался голос Ансалту. Он уже успел осмотреть свою комнату и теперь пришел полюбоваться на реакцию товарищей, которые в отличие от него только поднялись на этаж. Задержка была вызвана тем, что Хану нужна была электронная почта. «Мустафа» же – единственная гостиница в Кабуле, где есть интернет-кафе.

– До обеда отдыхаем, – Хан посмотрел на часы.

Письма о готовности начать операцию только что были отправлены сразу двум адресатам. Первое – полковому командиру одного из отрядов талибов, который с десятком своих моджахедов еще неделю назад просочился в город. Все это время под видом обыкновенных афган-

цев они ждали приезда чеченцев. Текст послания вместе с электронным адресом Хану вручил Кори. Второе сообщение в Чечню – Ферзину Тахре. Шестидесятилетний араб был главным куратором операции в России.

В обед в небольшой чайхане Хан встретился с человеком, который передал ему фотоаппарат «Зенит», приспособленный под перевозку препарата. Туда же пришел их старый знакомый Хабибула, который вывез чеченцев из Кабула в Мазари-Шариф. Впрочем, за время пребывания в Афганистане Хан убедился, что при беспределе со стороны талибов и беспомощности НАТО он спокойно смог бы решить эти проблемы самостоятельно. «Талибан» набирал силу. Американцы контролировали лишь центральные улицы столицы. Сразу за городом уже была территория, не подконтрольная янки и новой армии Карзая. Население с тоской вспоминало время, когда большую часть страны занимали радикалы. Они в отличие от новоиспеченных гвардейцев не брали взяток, давали работу. Сейчас было все наоборот. Дороги, например, строили китайцы. Местное население попросту боялись брать на работу. Во всех без исключения афганцах новое правительство видело предателей. Так же обстояли дела и в других отраслях. Это умело использовали талибы. Если дорожный строитель зарабатывал около девяти сот долларов в месяц, то моджахед – почти сто пятьдесят в день. При этом в случае его гибели семья получает компенсацию, на которую можно построить дом. Народ охотно пополнял ряды поначалу загнанного в горные пещеры войска. Но условия необходимо было соблюдать, и раз Кори решил, кто и каким образом будет оказывать им содействие, так тому и быть.

– Долго нам еще ждать этого шакала? – зло прошипел Мансур, слегка приподнявшись над камышом, и, оглядев окрестности, снова опустился на сырую, глинистую землю. – Сидит в своем кишлаке, чай пьет, а мы тут голову ломать должны, придет он или нет.

– Не волнуйся, Утюг, куда он не денется, – Хан едва заметно улыбнулся. – Ему тогда голову отрежут и собакам скормят. Ты же слышал, что сказал Кори: «Для того чтоб ваш путь был не так тяжел, задействовано много надежных людей и вложены большие деньги». Думаешь, почему нас почти не проверяли американцы? Кори их всех успел купить.

Доехав накануне во второй половине дня почти до самой границы с Таджикистаном, в сумерках они вышли с проводником к Пянджу. Здесь же был спрятан уже знакомый им по первой переправе плот из бычьих желудков и жердей. Однако, прождав всю ночь, так и не увидели условного сигнала с другой стороны. Им должны были мигнуть фонариком. Это означало: «Путь свободен, встречаем». Либо там была засада таджикских пограничников, либо что-то случилось с теми, кто их должен был встретить. С рассветом проводник ушел в близлежащий кишлак, чтобы связаться по радио с другим берегом. Связь у людей, всю жизнь занимающихся перевозкой наркотиков и оружия, здесь была хорошая.

– Да, – протянул сидевший на корточках Ансалту. – Денег у этого Кори куры не клюют.

– А может, дело вовсе не в деньгах? – неожиданно выдвинул предположение Утюг.

– А в чем? – прищурился Хан.

– Мне кажется, американцы знали, какой у нас груз и для чего, поэтому и не трогали, – он обвел дружков взглядом. – Русских никто не любит.

– Но не до такой же степени, – усмехнулся Хан.

Стояла нестерпимая жара, но, несмотря на близость воды, к ней нельзя было подойти. Могли заметить таджикские пограничники и что-то заподозрить. Хотя чуть выше по течению местные дехкане мыли золото, но к ним привыкли и наверняка всех знали наперечет.

Хан знал, что даже переход через Пяндж согласован с теми, кто охраняет противоположный берег. По крайней мере среди них много людей, готовых за деньги оказать такую услугу. С тех пор как с границы ушли русские, передав ее таджикским властям, она практически перестала существовать. Разве будет солдат, который родился здесь, ловить своего брата или отца, везущего героин? Знал он и то, что на выдворение из этих краев российских пограничников

также ушли немалые деньги, и на очень высоком уровне. Тогда было проблемой – перебраться на другую сторону.

Стали донимать комары. От них не спасали ни толстые афганские накидки, ни ругань Утюга.

Уже смеркалось, когда появился запыхавшийся Алишер. Таджик по национальности, он жил в Афганистане, но большинство родственников у него было на другой стороне. Высокий, худой мужчина с почерневшим от солнца лицом выглядел удручающе.

– Фарух сказал, что нас ждали. – Он обвел взглядом чеченцев, словно ища ответа на вопрос, кто проглядел сигнал, и сокрушенно вздохнул: – Сегодня пойдем.

– Обрадовал, – Утюг посмотрел на Алишера так, что тот слегка побледнел.

– Ты часто здесь ходишь? – неожиданно спросил Хан.

– Почти каждый день, – кивнул Алишер. – Жить как-то надо.

– Попадался?

– И стреляли, и попадался, – Алишер почесал бритую голову. – Сам я только переправляю. Мне люди дают, и я плыву. Там другие люди забирают. Тридцать доллар имею...

– За один раз? – вытаращил глаза Утюг.

– Месяц, – покачал головой проводник. – Если убьют, семья кормить некому будет...

Совсем стемнело. Алишер достал из висящей на боку тряпичной сумки лепешку и несколько луковиц. Поделил на равные части и раздал чеченцам.

– Как покушаем, пойдем...

Ставив в кромешной темноте плот в воду, по очереди забрались на него. Последним вскарабкался таджик. До этого он удерживал его за один конец, чтобы не снесло течением. Почти бесшумно работая веслом, Алишер старался удержаться в потоке, который сам нес к противоположному берегу. Хан, придерживая рукой закрепленный под одеждой фотоаппарат, с трепетом наблюдал, как приближаются редкие огни таджикского кишлака. Они начинали переправу намного выше того места, где нужно было выйти. Виной всему быстрое течение Пянджа. Ноги намокли. Вода была ледяной, и всех бил озноб. Но Хан понимал: колотит не от холода. Нервы. Наконец жерди, прошуршав по камышу, уткнулись в противоположный берег. Осторожно, стараясь не шуметь, они подхватили плот и оттащили от воды.

– Кажется, все, – облегченно вздохнул Утюг.

Неожиданно в какой-то паре десятков метров вспыхнуло сразу несколько фонарей. Раздались крики на незнакомом чеченцам языке, а по барабанным перепонкам ударили автоматные очереди.

Хана обдало жаром. Он обернулся на проводника, освещенного выпущенной ракетой. Широко раскинув руки, тот лежал без движения, глядя в небо уже ничего не видящими глазами. Переносица была разворочена пулей.

«Неужели снайпер?» – почему-то подумал Хан, хотя и так было ясно, что пограничники лупили по камышу без разбора из автоматов, а это была случайная пуля.

– Утюг! – по-чеченски окликнул он своего телохранителя. – Я должен уйти!

– Знаю, командир! Иди вверх по течению.

– Собаки! – раздался вопль Ансалту, который разряжал наобум свой «АПС».

– В последний момент сдайтесь и скажите, что вас было двое и вы чеченцы! Наркоту не везли. Ездили по делам...

– Знаю, командир, уходи, – почти закричал Утюг.

– Может, рекой? – Хан бросился к плоту.

– Нет! – вынув пустую обойму из пистолета и отбросив в сторону, торопливо заговорил Утюг. – Его надо вместе с трупом столкнуть, пусть эти козлы побегают, а ты вверх по течению! Иди, мы все сделаем! Аллах ху акбар!

– Прощай, брат, – Хан попытался обнять этого человека, ставшего за время войны братом, но тот оттолкнул его:

– Не успеешь. Мы встретимся. Увидишь!

Последнее он слышал, уже когда бежал вдоль кромки воды. Шум ломающегося камыша заглушали крики и выстрелы.

Глава 3

Войдя в воду на многолюдном городском пляже, через двадцать минут Антон подплывал к берегу пансионата. Если взрыв в кабинете милиционера успели связать с его визитом, он не исключал того, что Регины здесь может попросту не оказаться. Как правило, в таких случаях в первую очередь начинают допрашивать родственников. Возможно, и в номере уже произведен обыск.

Был и другой вариант. Сотрудники милиции могли пойти на хитрость и ничего ей об этом не сообщить, а организовать наблюдение у моря, в надежде задержать его здесь. Поэтому, прежде чем выйти на берег, он еще некоторое время плавал среди барахтающихся в воде людей, изучая отдыхающих. В пансионате он успел запомнить практически всех, а пляж охранялся, и ему не стоило большого труда определить, что чужих здесь нет. Даже вчерашняя развеселая компания сейчас грустила с разбитыми лицами на своем прежнем месте. У лысого из-под нелепой шляпы, украшавшей голову, виднелись бинты. Отсутствовал только толстяк. Наверняка он сейчас отдыхал на больничной койке с переломом челюсти.

Регину Антон увидел на том же лежаке, что и накануне.

– Заждалась? – опускаясь рядом, негромко спросил он.

– Привыкла. – Она села, приподняла за дужку солнцезащитные очки и внимательно посмотрела на мужа.

– В общем, так, Региша, – Антон огляделся, – мне надо исчезнуть. И кстати, меня никто не спрашивал?

– Понятно, – она с тоской посмотрела в сторону побитых парней и вновь перевела взгляд на него. – Все из-за них?

– Нет, – он усмехнулся. – Это они могут отсюда укатить, если я пожелаю. Тут дело в другом.

– Хорошо, – с тоской проговорила она. – Когда ждать?

– Думаю, я вовсе больше здесь не появлюсь. Где машина, тебе в случае чего объяснит Дрон. Я ввел его в курс дела по телефону, а пока...

Он чмокнул ее в щечку, потрепал по голове возившегося рядом Сережку и, пружинисто поднявшись, вновь направился в сторону моря.

– Ихтиандр, – грустно проговорила Регина, провожая его взглядом.

Он услышал, но лишь про себя улыбнулся.

В «Жемчужине» Филиппов сразу увидел обслуживавшую его накануне официантку. Она его узнала и застенчиво улыбнулась:

– Что будете заказывать?

– Директора, – на полном серьезе ответил Антон.

– У вас претензии к обслуживанию или это из-за драки? – Глаза девушки погрустнели.

– Ни то и ни другое, – поспешил он ее успокоить. – Лучше скажите, где мне его найти?

– Внутри павильона по коридору направо.

– Кстати, – уже направляясь в сторону, куда указала официантка, остановился он, – его фамилия Осипов?

– Да. – Девушка, потеряв всяческий интерес к клиенту, стала убирать со стола.

Антон рассчитывал на то, что Осипов не знает его в лицо, и для ускорения решения вопросов решил с ходу напугать. Он чувствовал, что главный в этих играх все тот же Джамбулат. Скорее всего, это «крыша» осиповского заведения, которая каким-то образом вынудила бывшего милиционера пойти на подрыв собственного коллег.

Подойдя к дверям с надписью «Директор», прислушался. Тихо играла музыка, посторонних голосов слышно не было. Оглянулся назад. Никого. Осторожно потянул ручку на себя и

с облегчением вздохнул. Маленький моложавый толстячок был один. Он сидел за небольшим офисным столом, подперев подбородок рукой, и с тоской наблюдал за плавающими в аквариуме рыбками. Окон в помещении не было, и это еще один плюс. Хотя с какой стороны смотреть. В случае чего, конечно, уйти будет тяжело, а вот если придется пару раз пальнуть для остротки куда-нибудь в область локтевого сгиба, то на улице наверняка слышно не будет. Ко всему, рядом площадка с аттракционами, где гремит музыка и визжат дети.

Антон вошел молча. Не сводя взгляда с директора, запер дверь и медленно двинулся на середину комнаты, одновременно доставая из-за пояса пистолет. У него была кобура под мышкой, но он специально переложил его туда. Так будет эффектней.

Осипов сидел, не моргая и не шевелясь, глядя ему в глаза. Лишь слегка приоткрылся рот, а южный загар на лице стал исчезать. Когда в руке Антона появилось оружие, хозяин кабинета издал звук, похожий на протяжный стон, при этом его нижняя губа затряслась. Он поднял руки, закрывая лицо, и вжался в спинку кресла.

Антон решил разыграть из себя человека, которому доставляет удовольствие убивать.

– Тебя заказали...

– Не... Не надо...

– Надо, брат, надо, – Антон передернул затвор, – мне уже заплатили, и я должен отработать деньги.

– Кто! – неожиданно взвыл Осипов. – Джамбулат?! Сука! Я же все сделал!

– Правильно, – хмыкнул Антон. – Зачем ему свидетели?

– погоди! погоди! – Мужчина неожиданно вскочил, потом сел. – Сколько он тебе дал?

– Разве тебе интересно перед смертью узнать цену своей жизни? – Антон сделал удивленное лицо и даже опустил ствол пистолета, словно его заинтриговало, почему этот человек спрашивает такие глупости в последние секунды жизни. – Ну, допустим, три тонны.

– Три тысячи долларов! – взвыл Осипов.

Антону даже показалось, что от такого известия бедняга пришел в больший ужас, нежели от появления киллера.

– Я заплачу тебе в десять раз больше! Кто такой этот Джамбулат? Нищий! Я! Ты только не стреляй!

– Так, – протянул Антон, сделав вид, будто заинтересовался предложением. – Деньги покажи!

– Здесь, – Осипов показал взглядом на сейф, стоящий справа от стола, – половина. Вторую получишь, когда все сделаешь. Она дома...

– Ты еще и условия мне выдвигаешь? – Брови Антона взлетели на середину лба.

– А как ты хотел? – Осипов немного успокоился и даже позволил себе отпить прямо из горлышка графина воды. – Сейчас все зараз получишь, а потом все-таки грохнешь меня.

– Соображаешь, – Антон криво усмехнулся. – Хорошо, я согласен. Давай «капусту», и до вечера разбегаемся.

Пока Осипов трясущимися руками отпирал сейф, пока выкладывал на стол деньги, Антон решил прощупать его на предмет информации:

– Зачем ментуру взорвал?

– Так ведь этот урод заставил, – всхлипнул Осипов. – Говорит, брось пачку из-под сигарет в урну под стол, и все.

– А повод?

– Это его дела. – Осипов покончил с сейфом и стал пересчитывать деньги.

– А поточнее? – следя за манипуляциями хозяина заведения, почти полностью пришедшего в себя, спросил Антон.

– Ходил тут по пляжу один полоумный, – Осипов пожал плечами. – Оказалось, он чуть ли не кровник этого чеченца.

– И все-таки, – Антон убрал пистолет, – как этот Джамбулат, если у него и денег-то нет, умудрился заставить тебя на мокруху идти?

– Пообещал все это сжечь, – Осипов обвел взглядом помещение, – а жену с дочерью... В общем, сам понимаешь. «Чехи» здесь всю набережную держат. Этот черт нерусский только и может баранку крутить с утра и до вечера. А я мог в здание райотдела пройти. Вот и все дела.

– Не боялся? – беря из рук Осипова деньги, спросил Антон.

– Они слово дали, что эта штука сработает, когда оттуда какой-то лох выйдет. На него все и повесят.

Антон так и подмывало спросить, при каких обстоятельствах Джамбулат узнал о Лютом, но тогда Осипов заподозрит, что перед ним не настоящий киллер. И так слишком много вопросов. Если бы не состояние коммерсанта, который только что едва не угодил на тот свет, он бы уже догадался, что убийцы так себя не ведут.

Забрав деньги и уточнив адрес Джамбулата, Антон направился прочь. Гонорар он сунул во внутренний карман куртки. Не взять его он не мог. Сейчас это было гарантией того, что Осипов не начнет звонить чеченцу, которого, по сути, перезаказал.

* * *

Отыскать дом, где жил со своим дядей Джамбулат, было делом не хитрым. Он располагался практически в самом центре Осиновки, в пяти минутах ходьбы от моря.

Еще засветло Антон прошел мимо трехэтажного особняка, окруженного деревьями и высоким забором. Со двора доносилась тихая музыка, пахло шашлыками. Одетый в майку, шорты и в темных очках, спецназовец ничем не выделялся из массы отдыхающих, толпами бродивших по тихим улицам городка, вяло перебирающих в сувенирных лавках ракушки и сидевших в многочисленных кафе за кружкой пива.

У ворот на небольшой вывеске был перечень услуг, которые оказывались в этой частной гостинице. Антона заинтересовали прогулки на машине. Он вспомнил слова Осипова: «Этот черт нерусский только и может баранку крутить».

«Ничего страшного, если Джамбулат и видел меня, – рассуждал Антон, – все равно, если я попытаюсь сюда заселиться, этим вопросом будет заниматься кто-то другой».

Осмотревшись, он окончательно решил заняться чеченцем. Ускорив шаг, дошел до рынка. Купил большую сумку. Проходя между прилавками, набил ее разным барахлом. Зайдя в парикмахерскую, сослался на жару и вышел оттуда уже с наголо бритым черепом. Подобрал под новую «прическу» очки, направился на набережную. Дело оставалось за малым – найти себе на время «спутницу жизни». Одиноким, но крепким мужчиной сильно бросается в глаза, и уже спустя каких-то полчаса он сидел в обществе смазливой девахи, рассказывая ей анекдоты и сетуя на тоску в незнакомом городе.

Как оказалось, Светка приехала на юг одна, с явным намерением если не найти здесь жениха, то хорошенько подзаработать. После недолгих размышлений он решил, что для превращения планов она вполне подойдет.

– Заработать хочешь? – неожиданно перебил он ее болтовню.

Светка кокетливо заправила за ухо золотистую прядь и оценивающе окинула его взглядом:

– За всю ночь или за час?

– Скорее, ночь и день, но не таким способом, о котором ты подумала.

– Хм, – брови девушки съехались на переносице.

– Я не в плане секса, – усмехнулся он. – Работа рискованная, но я дам тебе денег, которых тебе хватит, чтобы убраться отсюда в Сочи, снять там нормальную гостиницу, оттянуться по полной, а потом ты еще целый год будешь в полном шоколаде.

– Ты что, решил здесь кого-то грабануть? – Глаза девушки расширились то ли от удивления, то ли от страха.

– Нет, – он покачал головой. – Поговорить, а потом наказать.

– А это не опасно?

– Как получится, – усмехнулся Антон, с твердым намерением, если все пройдет нормально, отдать Светке все деньги Осипова.

Спустя полчаса, проинструктированная в том объеме, который ей было необходимо знать, Светка в сопровождении Антона поднималась на второй этаж особняка вслед за невысокой женщиной, представившейся управляющей гостиницей.

– Если хотите, – тяжело дыша, объясняла нюансы сервиса управляющая, – по утрам мы можем предложить завтрак. Также обед и ужин. Но за отдельную плату. Вот и ваш номерок, – позвонив ключами, она открыла пахнущую свежим лаком дверь.

Номер действительно был хорош. Двухспальная кровать, заправленная атласным покрывалом, телевизор со стереосистемой, картины... Все в розовых тонах. В окне кондиционер.

– Еще у нас есть ряд дополнительных услуг, – отдышавшись, вновь заговорила женщина. – Если захотите осмотреть достопримечательности, съездить к водопадам, то пожалуйста, мой племянник Джамбулат отвезет вас, куда скажете.

– Все поняла? – когда за женщиной закрылась дверь, а шаги на лестнице стихли, еще раз спросил Светку Антон. Та кивнула и, улыбнувшись, неожиданно чмокнула его в щеку.

– Ты чего?

– Давно мечтала с настоящим мужиком познакомиться...

Антон покинул номер под утро. Изнасилованный новой подружкой, чувствовал он себя неважно.

* * *

После того как на берегу стихла стрельба, Хан шел еще больше часа. Вернее, крался, опасаясь нарваться на очередную засаду. Но теперь он уже отклонился от реки в глубь территории Таджикистана на добрых полкилометра. Скорость была не ахти какой. Полумесяц и звезды скупно освещали путь.

Налетая на камни, падая, подолгу прислушиваясь к ночным звукам, он уверенно держал направление на Анжероб – небольшой кишлак, расположенный между двумя горами, от которого начиналась дорога на Куляб. От него до Душанбе несколько часов езды на машине. Он хорошо запомнил этот район, когда они переходили Пяндж в последний раз. До этого он был в Афганистане дважды, первый раз обучался в лагере подготовки боевиков, а во второй на встрече с представителем «Аль-Каиды». Тогда границу охраняли русские. Причем неплохо это делали. К переходу готовились очень тщательно, скрупулезно просчитывая каждый шаг, организовывались отвлекающие группы, учитывалась погода, да и шли через Хорог, а там Памир... Сейчас очень расслабились и вот получили. Но ничего. Самое страшное уже позади. Главное, он сохранил груз, есть деньги и он может продолжить путь. Остается, правда, еще одна опасность. Придется менять одежду и нанимать машину до Душанбе. Местные водители, узнав, что у человека есть чем поживиться, могут пойти на все. Республика только отошла от гражданской войны. Здесь, в отдаленных кишлаках, люди живут очень плохо и даже сто долларов для них целое состояние. Придется часть денег хорошенько спрятать и быть начеку. Если, не приведи Аллах, украдут фотоаппарат, который, по сути, является контейнером, ему лучше не возвращаться в Чечню.

Стали попадаться деревья. «Байские сады», – вспомнил он название района. Даже почувствовал запах яблок. Сразу за ним кишлак. До него не больше километра, но огней не видно. Люди берегут свет. Только лай собак дает знать о близком жилье.

Подойдя к третьему от края дому, он осторожно постучал в высокие железные ворота. Тут же залаяла собака. Ее лай подхватили в соседних дворах. Через минуту из-за забора донеслась непонятная речь.

– Я не говорю на таджикском! – стараясь перекричать шум, ответил Хан. – Мне нужен Фарух.

– Я Фарух, но что-то голос мне твой незнаком, – заспанным голосом ответили со двора.

– Фарух, меня зовут Сайхан, я чеченец. Помнишь меня?

После небольшой паузы скрипнул запор, и калитка открылась.

– Салам алейкум, Фарух-ака!

– Алейкум ассала, Сайхан! Почему так поздно? Машина сломалась? – Пропуская чеченца во двор, таджик с ходу засыпал его вопросами. Он был невысокого роста, со слегка вытянутым лицом и большими залысинами на голове.

– Да нет, дорогой, – по мусульманским традициям обняв хозяина дома, заговорил Хан. – Длинная история.

– Хорошо, – запирая ворота, кивнул Фарух, – проходи в дом.

Дом у Фаруха был приличных размеров, благо проблем со стройматериалом не было. По нему в буквальном смысле ходили. Глина, солома, при определенном сочетании и технологии, эти строения ничем не отличаются от кирпичных. Хозяин провел его в комнату для гостей. Здесь, как и в Афганистане, спали на полу, но это единственное сходство. Мебель была в европейском стиле.

– Зачем тебе фотоаппарат? – увидев, как гость, сняв одежду, положил его на пол, спросил Фарух.

– В Афганистане нас учили, как воевать с неверными, – соврал Хан. – Здесь инструкции... Установка мин, обстрел колонн – в общем, сам понимаешь, – он махнул рукой.

– По-прежнему воюешь? – то ли спросил, то ли констатировал таджик.

– Фарух, – оставив вопрос без ответа, заговорил Хан, – завтра мне будет нужна твоя помощь. Надо добраться до Душанбе, а перед этим сменить это тряпье на нормальную одежду.

– С этим проблем не будет, – заверил таджик и стал расстилать на полу курпачи.

До рассвета еще было несколько часов.

* * *

– Вы катаете на машине? – Длинноногая блондинка в коротких шортах подошла к Джамбулату, когда он выгнал «Тойоту» из гаража, расположенного прямо под домом.

Окинув девушку взглядом, при этом сглотнув слюну, тот отвел глаза в сторону и кивнул:

– Наберем еще трех человек, и в путь, красавица.

– Да ты, я смотрю, тоже не урод, – подойдя на полшага ближе и обдав горца запахом дорогого парфюма, со странным придыханием проговорила она.

Чеченец действительно был красив. Высокий, широкоплечий, с мужественным лицом, нижняя часть которого была покрыта щетиной.

– Э-э, девушка, мужчины на Кавказе не любят, когда им комплимент делают! – Горец взмахнул руками, словно отгоняя муху. Однако было заметно, что ему это приятно.

– Я не это хотела сказать, – она взялась за предохранительную дугу внедорожника. – Просто могу оплатить все три места. Не люблю, когда кто-то мешает наслаждаться природой. Тем более муж с утра на пляж убежал. Он любит рано купаться. А сейчас появится и опять начнет нервы портить.

Спустя полчаса, промчавшись вдоль русла неширокой, быстрой речки, шумевшей между почти отвесными скалами, и переехав небольшой мостик, машина встала. Впереди, за дере-

вьями, играла в лучах утреннего солнца миллионами брызг падающая с высоты пятиэтажного дома вода.

– Красиво, да? – Чеченец расплылся в улыбке и перевел взгляд на девушку.

– И это весь твой водопад? – откровенно изумилась Светка, которая надеялась увидеть если не Ниагару, то что-нибудь посолидней нескольких стекающих со скалы струек.

Однако горец уже не слушал девушку. Обойдя вокруг машины, он положил ей руку на грудь.

– Не надо! – Она отпрянула.

Он растерялся:

– А зачем со мной один хотела ехать?

– Я же тебе объяснила!

«Ах, если бы эта самка не поселилась у дяди, а снял бы я ее где-нибудь на набережной или, еще лучше, затащил в машину на трассе!» Нет, он не потерпит такого позора! Все равно мужу побоится говорить, а до первых туристов, которые здесь появятся, у него есть пара часов доставить ей удовольствие. Да она еще и спасибо скажет, а может, ей даже захочется завтра повторить экскурсию. И чего он стоит? Все русские бабы – бляди. С этими мыслями чеченец обхватил ее руками, приподнял, словно пушинку, и осторожно положил на землю.

– Зачем соглашалась? – срывающимся голосом раз за разом повторяя одно и то же, он содрал ее шортики, после чего стянул с себя до колен штаны.

– Затем, чтобы я без свидетелей с тобой общаться смог, – громом среди ясного неба раздались слова, принадлежащие явно не Светке.

Опешив, Джамбулат обернулся.

На фоне яркого неба, позади, стоял мужчина, насмешливо разглядывая его торчащее между ног достоинство. В следующий момент боль, какой он никогда, казалось, не испытывал, пронзила тело, сковала дыхание и даже залезла куда-то в мозги, вздыбив на голове волосы.

– Ты откуда взялся? – Выбравшись из-под скорчившегося Джамбулата, Светка вернула на прежнее место шортики и удивленно посмотрела на Антона.

– Хотел сначала сюда марш-бросок совершить, – Антон пнул по ступне чеченца, – только вот этот клоун на ночь гараж не запирает. Короче, доехал, устроившись под брезентом за задними сиденьями.

– Чего тебе надо? – стонал спустя несколько минут связанный по рукам и ногам Джамбулат.

– Хочу посмотреть, какого цвета у тебя яйца, – спокойно ответил Антон, вынимая нож.

– Ты не сделаешь этого!

– Ты же убил Лютого, почему я не могу убить тебя? И вообще, если не веришь, пожалуйста, – Антон вынул пистолет и выстрелил в правую ногу несчастного.

– Я не убивал!

– Мне сам Лютый перед смертью об этом сказал, – ошаршил чеченца Антон. – Да и Осипов, дружок твой, тоже не молчал. Так что на легкую смерть не рассчитывай.

– Я не боюсь смерти!

– Даже такой позорной? – Антон обернулся к Светке: – Достань.

Когда Джамбулат понял, что за предмет появился в руках у этой с виду красивой девушки, он завыл.

– Да, Джамбулат, найдут тебя родственники с отрезанными гениталиями и фаллоимитатором в заднице, думаешь, хоронить будут? Зачем убил Лютого и взорвал милицию?

– Я все скажу, – неожиданно заявил чеченец.

Антон даже растерялся, что так легко вынудил его говорить. Хотя, с другой стороны, здесь не война. А море, цивилизация, девочки. Все это вынуждает более трепетно относиться к жизни, где столько удовольствий.

– Я слушаю, – поторопил Антон.

– Это не я, – простонал чеченец.

– Не понял? – Антон выстрелил снова, чуть выше того места, куда попал первый раз.

Охнув, чеченец застыл, глядя на то, как из образовавшейся на ноге дырочки пошла кровь.

– Светка, у него шок, дай то, что я тебе говорил!

Не отрывая от чеченца взгляда, Антон протянул руку предположительно в том направлении, где находилась девушка. Ничего. Он развернулся.

– Черт!

Светка лежала без чувств.

Подскочил к ней, быстро ощупал затылок. Вокруг камни. При падении можно разбиться насмерть. Но нет, голова девушки была цела. Он пошлепал ее по щекам. Что-то пробормотав, она открыла глаза.

– Все, – Антон потрепал ее по щеке. – Сядь спиной к этому чудовищу и подожди пару минут. Лады?

Белая как мел Светка, часто кивая головой, выполнила просьбу.

Антон сам достал шприц с промедолом и сделал чеченцу укол. Вскоре тот пришел в себя. Когда взгляд стал осмысленным, он повторил вопрос.

– Этот русский в горах жил, – едва слышно заговорил Джамбулат. – В Чечня. Я тоже зимой там живу. Верхний Алхун.... Мой брат его весной привел. Говорит, он не нужен, а убивать жалко. Еще работать может.

– Почему не нужен? Болен? – напрягся Антон.

– Нет, – чеченец сделал паузу, собираясь с силой, потом показал взглядом на левое плечо Антона: – У него там отметина...

– Ладно, – Антон, видя, как тот теряет силы, решил не задавать вопросов.

– Русский у нас дом работал, пока брат не приехал. В гости. Мы баран резали, чтобы здесь летом шашлык делать. А этот русский убежал. Везде искали, потом бросили и сюда вернулись. А он под тушами оказался. Хорошо дрался. Шуму много было...

– Так, выходит, когда вы его в Чечне искали, то в машину заглянуть не удосужились? – догадался Антон. – А он по номерам понял, куда она пойдет.

– Короче, здесь он тоже бежал. Мы думали, он совсем из города исчезнет, а он, оказывается, остался...

– И еще, ко всему, помнит, на какой базе его держали, – договорил за него Антон. – Плюс в милиции схемы оставил. Поэтому вы и устроили взрыв. Хорошо, джигит, убивать я тебя не стану, потому как ты все равно молчать будешь. Сиди, жди, когда тебя туристы найдут.

Бросив ему несколько перевязочных пакетов, он выпрямился и огляделся.

Времени больше не было. Схватив трясущуюся Светку под руку, он засунул ее в машину.

Доехав до трассы, уже через каких-то пару минут остановил автобус, идущий на Геленджик.

– Ну что, – он обнял девушку за талию, – деньги у тебя в сумочке, как и обещал, голова на плечах. Главное, никому ни слова.

– Я все поняла. Спасибо, – чмокнув его в щеку, она нырнула в открытые двери двухэтажного «Форда».

Проводив автобус взглядом, Антон завел двигатель и тронул машину в сторону Осиновки, где намеревался бросить ее.

* * *

Ночь, камыш и полная неопределенность, какова численность перешедших границу людей, ответивших хоть и пистолетным, но достаточно плотным огнем, по-видимому, сбили с

толку таджикских пограничников. Скорее всего, они подумали, что эта группа просто отвлекает их от основных сил, которые, переправившись где-то в стороне, уже заходят с флангов.

Такой вывод сделал Утюг, когда по звуку выстрелов определил, что встретивший их наряд отходит в глубь территории республики. Сначала расстояние до стрелявших было пара десятков метров, и они отчетливо слышали голоса. Потом оно увеличилось вдвое, и вскоре чеченцы поняли, что даже «АПС» не достает их огнем.

– Они испугались и отошли, – тяжело дыша, проговорил Ансалту, не сводя взгляда с того места, откуда велась стрельба. – Уходим! Давай! Сейчас темно, а здесь горы.

– Нет, Ансалту, – ошарашил Утюг, – уходить мы как раз и не будем.

– Да ты что?!

Неожиданно Утюг схватил Ансалту за отвороты куртки, встряхнул, приблизил свое лицо к его и громким шепотом заговорил:

– Ты понимаешь, что они не успокоятся? Ты знаешь, что сейчас здесь будет? Хочешь, чтобы они нашли Хана? Желаешь, чтобы неверные радовались, что мы не смогли довести «Возмездие Аллаха»? Запомни, – разжав руки, заговорил он уже более спокойным голосом, – нас было двое. Только двое! Нам не причинят зла, вот увидишь. Мы не везли наркотик, но мы чеченцы. Кто захочет проблем с нашим народом? Отпустят.

– Я как-то не подумал о главной задаче, – шмыгнул в темноте носом Ансалту.

– Эй, пограничник! – Утюг рявкнул так, что Ансалту вздрогнул от неожиданности. – Мы же сказали, что не понимаем ваш язык! Не стреляй! Мы не везем наркотик. Мы чеченцы! Нас только двое.

Снова вспыхнули фонари, но на этот раз расстояние до них было раз в пять больше, чем прежде.

– Выходите с поднятыми руками!

Медленно, словно по минному полю, чеченцы двинулись на голос. Когда до нацеленных на них фонарей оставалось не больше десятка метров, им приказали встать. Двое пограничников проворно обыскали обоих.

– Где оружие, из которого вы стреляли в нас? – Перед ними появился старший лейтенант.

– Э-э, командир, какой стреляли? Вверх мы их разрядили. Если бы я стрелял, то ты бы здесь не стоял. Я десять лет с русскими собаками воюю.

– Где оружие? – бесстрастным голосом повторил офицер.

Неожиданно для себя Утюг понял, что допустил просчет. В таджикской армии много русских, а у этого офицера даже нет акцента.

– Там, в трава бросил, – он показал в сторону камыша. – Два штуки «АПС».

– Азимов, проверь! – скомандовал офицер. – Садыков, свяжите им руки.

– Слушай, командир, – обратился Утюг к офицеру, – давай договоримся? У нас деньги есть. Отпусти, домой идем на родина. Там война, а мы здесь.

– Есть установленный порядок пересечения государственной границы, а вы его нарушили, – все тем же спокойным тоном проговорил пограничник.

– Как я из Афганистан...

– Все, разговор окончен.

Спустя полчаса Утюг и Ансалту уже сидели в пограничной комендатуре, в кабинете начальника. Сам хозяин апартаментов, грузный и заспанный таджик в звании майора, долго изучал содержимое карманов обоих задержанных, выложенное на стол. Паспорта граждан Афганистана, России, десять тысяч долларов США, два пистолета и с десятков уже пустых обойм, маленький Коран в тисненном серебром переплете, записные книжки.

Наконец, собравшись с мыслями, он вернулся на свое место и задумчиво посмотрел на задержанных:

– Куда шли?

– В Россию, вернее, в Чечню, – поправился Утюг. – Командир, давай договоримся?
– Наркоту сбросить успели? – проигнорировав просьбу, сощурился таджик.
– Не было у нас никакой наркоты, – Утюг стал чувствовать, что теряет над собой контроль.

– Зачем в Афганистан ходили?

– По делам, – размыто ответил он.

– Мы вынуждены будем утром передать вас в МГБ республики, пусть там разбираются, а пока... – Он крикнул что-то на своем языке в коридор, и в кабинете появились двое бойцов с автоматами. Вид у них был жалкий. Ростом оба едва доставали чеченцам до подбородка, из застегнутых воротничков курток торчали худые шеи, и было удивительно, как на них держатся головы.

Утюга с Ансалту вывели из здания комендатуры и повели в направлении заставы, до которой было чуть меньше километра. В республике были проблемы с электричеством, и это сразу бросалось в глаза. Вся территория освещалась несколькими тусклыми лампочками. Как ни странно, но комендатура находилась на отшибе. Было так темно, что шедший за первым солдатом Утюг больше ориентировался по звуку его шагов.

– Я знаю, этот кишлак Ел называется, – едва слышно проговорил Утюг. – Ты не разучился работать ногами, брат?

– Я только хотел тебе об этом напомнить, – ответил Ансалту. – Неужели мы не справимся с этими сопляками?

– Им нет и восемнадцати, – оглянувшись назад и смерив расстояние до помещения, откуда их вывели, Утюг едва слышно произнес: – Давай.

Развернувшись, шедший вторым Ансалту со всего размаха залепил носком ботинка в голову солдату, стараясь, несмотря на темень, попасть в висок. Аналогичным образом напал на идущего впереди и Утюг. Солдаты не потеряли сразу сознания, но они до того растерялись, что молча принимали мощнейшие удары двух матерых боевиков, смыслом жизни которых была война. Те били с иступлением, потому как оба понимали, что больше такого случая не подвернется, а впереди их ждут депортация и пожизненные сроки заключения. Утюгу даже казалось, что он видит как днем, а может, так и бывает, когда на кон поставлено все. Мальчишки попадали на землю. Сначала они пытались встать, но тут же опрокидывались навзничь от очередного удара, потом просто ползали и катались по каменистому грунту, раня себя об острые края гальки. Вскоре они затихли. Утюг, тяжело дыша, прислушался. Было тихо. Лишь сипел солдат, которого он нокаутировал. Подтянув к животу ногу, морщась от боли в связанных за спиной руках, Утюг с силой опустил подошву тяжелого армейского ботинка на голову своего подопечного. Раздался хруст ломающихся позвонков. Не сговариваясь, Ансалту развернулся к нему спиной. Утюг упал на колени и стал зубами развязывать ему руки. Минута, и они поменялись местами, только Ансалту уже не понадобились зубы. Его руки были свободны.

– Забирай автоматы и магазины из подсумков, – зачем-то прошептал Утюг, хотя видел, как Ансалту колдует над бездыханным телом.

Чуть в стороне был овраг. Солдат подтащили к нему и скатили вниз.

– Сколько человек осталось в комендатуре? – спросил Утюг, когда все было кончено.

– Пара таких же дохляков и майор, который наверняка считает наши деньги.

– Надо вернуться. Связь здесь плохая, если она вообще есть.

– Другого выхода нет, – согласился Ансалту. – Без денег мы ничто. Нас даже никто прятать не согласится.

– Пошли.

* * *

Объезжая оживленные улицы, Антон вскоре остановил джип Джамбулата у дома, где он обнаружил Лютого.

Хозяйка не сразу узнала его. Долго и настороженно вглядывалась в окно, затем еще некоторое время стояла на крыльце, прикрывшись от солнца ладонью, рассматривая стоящего за калиткой мужчину.

– Можно я войду? – наконец не выдержал Антон и, не дожидаясь, когда бабка отопрет калитку, попросту перемахнул через нее.

– Уйди, убивец! – не своим голосом закричала старуха и с необычайной прытью бросилась в сад, туда, где был сарайчик Лютого.

«Этого еще не хватало», – чертыхнулся он, жалея, что не спросил раньше, как зовут хозяйку дома.

В два прыжка догнав ополоумевшую от ужаса бабку, он схватил ее за плечи и развернул к себе лицом.

– Успокойтесь, – Антон постарался улыбнуться. – Не убивал я вашего постояльца. Это милиция работать не хочет, вот и вешает на всех ярлыки супостатов. Но я нашел, чьих это рук дело. Вон у вашего забора стоит машина этого человека. Я ее у него угнал.

Старушку заметно трясло. Она хватала ртом воздух и походила на выброшенную на берег рыбу. Было видно, она не верит ни одному его слову.

«Как бы концы не отдала», – с ужасом подумал он.

Вздыхнув, Антон прижал ее к себе и погладил по голове, как ребенка.

– Бабушка, успокойтесь, сами подумайте, если я хотел причинить ему неприятности, то разве стал бы оказывать помощь? Да и нож. Ведь на нем нет моих отпечатков пальцев.

– Следователь сказал, что вас двое было, – дрожащим голосом проговорила она.

– Когда он здесь был?

– Только что уехал...

– Вы хотите мне помочь?

– А что надо?

– Что было у Лешки в этом месте? – Он похлопал себя по плечу. – Может, татуировка? Наколка? Рисунок такой на коже, который не смывается.

– Знаю, – бабка вроде как стала успокаиваться, и он ее отпустил. – У моего покойного мужа был якорь на руке, – она ткнула пальцем в запястье.

– Ну! – Обрадовался Антон продвинутости старушки. – Так какая наколка у Лешки на плече была?

– Не видала я! – Бабка уверенно замотала головой. – Нет там у него ничего.

– Странно, – Антон почесал затылок.

Жаль, не было времени поподробнее расспросить Джамбулата. А может, пока его не хватились, нагрянуть в дом дяди? Отпадает, на море ушли не все, да и прислуга. Разговор при таком количестве людей не выйдет.

– А что ты сам к Лешке не сходишь да не посмотришь? – прищурилась бабка.

Антон обдало жаром:

– Так он что, живой?!

– Да, – бабка приосанилась. – Я ему и яблочек туда снесла.

– Милая вы моя женщина! – Шутя расцеловав бабку, больше для того, чтобы до конца успокоить, он всучил ей стодолларовую купюру и, расспросив, как пройти к больнице, направился на встречу с воскресшим.

«Только бы сейчас не подняла шум, что „убивец“ к Лешке пошел», – подумал он, прикрывая за собой калитку.

Больница располагалась на окраине Осиновки, в десяти минутах ходьбы от дома старухи. Поскольку машину Джамбулата он решил оставить, то это расстояние пришлось преодолевать пешком.

Двухэтажное свежестроенное здание было обнесено забором из металлических прутьев, а на КПП дежурил охранник.

Опасаясь, что в связи с последними событиями служивый при его появлении поднимет тревогу, он перешел на другую сторону улицы и стал лихорадочно соображать, как проникнуть на территорию.

Неожиданно на глаза попалась преклонного возраста женщина. Едва передвигая ногами, она тащила набитый фруктами пакет.

– В больницу? – поприветствовав женщину, поинтересовался Антон.

– Да, будь она неладна, – вздохнула та, окинув Антона ничего не выражающим взглядом. – Сын со снохой и внуком там. На машине разбились.

– То-то я смотрю, вы и фруктов не на одного несете. Помочь? Мне тоже туда.

– Помогите, сынок, если не тяжело, – обрадовалась старушка, – а то мне там еще на второй этаж подниматься. Это с больными-то ногами!

– К кому? – Разомлевший от жары охранник записал в журнал паспортные данные бабки, окинул взглядом поджидавшего ее уже на территории клиники мужчину и махнул рукой: – Проходите.

Поднявшись на второй этаж, Антон прошел вместе с бабкой в хирургическое отделение. Отдав ей пакет, направился к дежурившей за столом медсестре.

– Иванов Алексей...

– Четвертая палата, – не дав опомниться, ответила смуглолицая девушка в белом халате и уткнулась в какой-то журнал.

«Даже не спросила, кто я, – направляясь по коридору, размышлял Антон. – Халат не предложила. Значит, надо ждать сюрпризов».

Кровать Лютого стояла у самого окна шестиместной палаты. Больных кроме него было всего двое. Один лежал с книжкой в руках у самого входа, второй рядом с Лютым.

– Здорово, Алексей! – подходя ближе, поприветствовал Антон Лютого. – Как дела?

Парень смотрел настороженно.

«Не помнит», – догадался Антон и неожиданно заметил, как Лютый метнул взгляд на соседнюю койку.

«Значит, это менты, – догадался Антон. – Думают, убийца попытается довести дело до конца. Немудрено, все-таки если все связать воедино, то из-за рисунков Лютого рванули даже кабинет в РОВД».

– Алексей, – держа в поле зрения мужчин, заговорил он, – мне нужно знать, что у тебя в этом месте, – он похлопал себя по левому плечу.

– Чего ты до убогого докопался? – Лежащий у входа поднялся и неторопливо направился к Антону.

– Слушай, если ты сейчас и здоров, в чем я уверен, то через минуту тебе может понадобиться помощь. Вернись на свое место.

С этими словами Антон решительно шагнул к Лютому и бесцеремонно убрал одеяло. Парень был в майке, сидел к нему левой стороной, но на плече несчастного ничего не было. Он развернул его за другую руку, решив, что чеченец мог что-то напутать. Чисто. В это время лежащий на соседней кровати молодой мужчина выхватил из-под подушки пистолет, но направить на Антона не успел. Он был готов к такому развитию событий. Удар ногой в голову, и оперативник слетел с кровати на пол. Зная, что оружие все еще у него в руке, Антон выпрямился и

перевернул на него кровать. В это время на помощь своему товарищу уже летел второй. Встретив его ударом кулака в живот и приложив локтем в основание черепа, Антон выскочил из палаты и нос к носу столкнулся с милиционером, который давал ему рисунки Лютого. После взрыва он выглядел неважно. Голова была забинтована, под глазами красовались два лиловых синяка, и передвигался он на костылях.

– У вас что, своей клиники нет? – улыбнулся Антон.

Но Вахрушеву было не до шуток. Он попытался ударить его костылем, однако потерял равновесие и полетел на пол. В последний момент, подхватив сотрудника на руки, Антон поставил его:

– Ты не контужен? Слышишь хорошо?

Милиционер, морщась от боли, едва заметно кивнул. Антон бросил взгляд на спешащую в их сторону медсестру и вновь перевел взгляд на раненого.

– Взорвать тебя пытался Осипов. Он оставил в урне для бумаг пачку от сигарет с пластиком и радиоуправляемым устройством. Это ему приказал сделать Джамбулат. Он же пытался убить Лютого. – Выстрел в палате, которую он покинул, заставил поторопиться. – Все понял?! И еще, Осипов заказал мне чеченца. Теперь думайте, у вас головы светлые, а я свою работу сделал, – с этими словами он устремился прочь.

Антон быстрым шагом миновал КПП и свернул в сторону стоянки такси. Он собирался доехать до Лазаревского, а там сесть на поезд. Самолет исключен. При нем оружие. Пусть штатное, но командировочного предписания не было. Неожиданно он замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Да, на плечах Лютого не было никаких татуировок и даже шрамов, но у него был след от прививки против оспы! Страшная догадка на какое-то время заставила даже забыть, куда он направлялся. Вынув из висевшей через плечо сумки спутниковый телефон, он отошел в сторону от дорожки.

– Слушаю, Родимов.

Чистота звука была такой, словно этот седой, невысокий генерал с заостренным носом стоял где-то рядом.

– Это я, Федор Павлович, – выдохнул Антон. – Здравия желаю.

– Мог бы и не говорить, я и сам догадался. Даже скажу больше, ты и на юге для нас работу нашел. Или не так? Дай в окно погляжу, если град с камнями идет, значит, ошибаюсь.

– Не ошибаетесь, – Антон улыбнулся. – Я буду в Москве через двое суток.

– Считай, обрадовал.

– Нужна срочная командировка на Северный Кавказ.

– Понятно, – генерал вздохнул. – Что-то серьезное?

– По-моему, да.

– Верю. Приедешь – доложишь, а пока я отдам все необходимые указания по поводу подготовки группы.

Средства связи позволяли обмениваться секретной информацией, но по привычке разведчики-диверсанты пользовались этими возможностями техники в исключительных случаях. Поэтому Антон не стал вдаваться в подробности, а генерал задавать вопросов.

Глава 4

Когда Ансалту и Утюг вернулись к комендатуре, то во дворе, кроме возившегося под капотом «УАЗа» бойца и скучающего рядом со входом в здание часового, никого не увидели. Дверцы машины были открыты, а из установленных в салоне динамиков лилась мелодичная песня на таджикском языке. Оба чеченца поняли, почему здесь не был услышан шум с дороги. В кабинете начальника горел свет.

– Надо постараться обойтись без стрельбы, – не сводя взгляда с часового, проговорил Утюг. – Застава рядом.

Отсоединив штык-ножи с отобранных у конвоиров автоматов, они стали обходить комендатуру с другой стороны. Это было небольшое одноэтажное строение, обнесенное когда-то колючей проволокой, от которой сейчас остались лишь воспоминания. На окнах были решетки и металлическая сетка, защищающая от ручных гранат.

Выглянув из-за угла, Утюг облегченно перевел дыхание. Караульный у входа стоял к нему спиной и наблюдал за работой водителя.

Знаками дав понять, что он берет на себя часового, а Ансалту автомобилиста, бесшумно двинулся вдоль стены. Когда до солдата оставалось полшага, Утюг закрыл ему рот ладонью, прижал голову к себе и несколько раз с силой ударил штык-ножом в область грудной клетки. Водитель даже не расслышал возни, продолжая подпевать магнитоле. Подскочивший к нему Ансалту вогнал нож в спину. Вцепившись в детали двигателя, солдат стал сучить ногами и хрипеть. Но это уже чеченцев не интересовало. Утюг ворвался в комендатуру первым и ударом приклада разmozжил затылок солдату, сидевшему за столом с установленным на нем телефоном и радиостанцией. Ансалту, влетев в кабинет, в два прыжка оказался рядом с майором, который в этот момент укладывал в сейф их оружие. Несколько ударов ножом в живот, и комендант повалился на пол, корчась от боли. Между пальцами рук, которыми он зажал рану, хлынула кровь.

– Кому доложил о нашем задержании? – присев перед майором на корточки, спросил вошедший следом Утюг.

– Утром хотел...

– Во дворе твоя машина?

– Да.

– На ней есть спецпропуск?

– Эти номера знает вся республика...

– Понятно. – Утюг выпрямился. С минуту он наблюдал, как Ансалту рассовывает по карманам изъятые у них доллары, затем сделал шаг к майору, который уже начал заваливаться на бок, и воткнул ему штык в шею.

– Интересно, машина исправна? – наконец разложив по карманам деньги и паспорта, спросил Ансалту.

– Ты думаешь, мы сможем проехать через перевал ночью? – вопросом на вопрос ответил Утюг.

– У нас нет другого выхода. Если до утра не доберемся до Душанбе, то уже точно останемся здесь навсегда. Да и света уже, – он кивнул на окна.

– А Хан?

– Хан имеет здесь своих людей. Будет даже лучше, если эту машину найдут хотя бы в Кулябе. Тогда здесь нас никто искать уже не станет, и Хан спокойно покинет этот район.

– У, шайтан! – неожиданно рявкнул Утюг и ударил себя по лбу.

– Ты чего, брат? – Ансалту испуганно уставился на Утюга.

– Мы забыли про телефон, – Утюг смахнул его со стола, – этот шакал мог позвонить, чтобы на заставе нас встречали!

– Надо уходить!

Высочив во двор, прислушались. Было тихо.

– Посмотри, что с машиной, а я пока попробую найти форму, – спохватился Утюг.

С этими словами он вернулся обратно. В шкафу висели китель и рубашка майора. Сняв с себя куртку, Утюг стал надевать рубашку на себя.

Вошел Ансалту:

– Что ты делаешь?

– Этот урюк сказал, что его машину знают на блокпостах, но, если в ней будут ехать не военные, могут заподозрить, что угнали.

– Мотор завелся. – Ансалту стал снимать куртку со связиста. Его не смутило, что воротник был в крови. – Только не знаю, сколько бензина. Там приборы не работают.

– Разберемся, – рявкнул Утюг, выбегая на улицу.

Вскоре «УАЗ» коменданта участка карабкался вверх по серпантину, подсвечивая себе дорогу слабым желтоватым светом. За рулем сидел Ансалту, справа Утюг в форме майора, которая была явно на пару размеров меньше. Но, как они считали, снаружи, при слабом утреннем свете, никто не заподозрит неладное.

А между тем небо светлело. Поворот и первый пост. Ансалту догадался мигнуть светом, и солдат бросился поднимать шлагбаум.

– Не блефовал майор, – облегченно переведя дыхание, хмыкнул Утюг.

Дорога была ужасной. Слева скала, справа ущелье, по дну которого неслась, подбрасывая над водой куски пены, небольшая речушка. Часть дорожного покрытия давно свалилась вниз, и ширина проезжей части не позволяла на этом участке разъехаться даже двум легковым автомобилям. То и дело машину сносило к кромке обрыва, и вниз летели камни. Утюг вспотел и нервно теребил уголок воротника рубашки.

Впереди появился еще один пост. На этот раз милицейский. Как и первый раз, Ансалту еще издали мигнул светом. Шлагбаум поднялся.

– Хорошо, что перед переходом сбрили бороды, – заговорил Утюг. В его голосе чувствовалось возбуждение, которое охватывает людей, когда разрешается очень сложная ситуация.

Дорога круто пошла вверх и в сторону от ущелья. Они оказались практически на самом верху первого перевала. Машину слегка дернуло, мотор чихнул. Чеченцы переглянулись и вновь устали на дорогу, однако через некоторое время все вновь повторилось, после чего она пошла рывками, теряя обороты.

– Аллах отвернулся от нас! – взревел Ансалту. – Бензин кончился!

Прокатившись по инерции еще пару десятков метров, они встали.

Некоторое время сидели молча. Мимо, громя бортами, проехал старенький грузовичок.

– Так, – протянул Утюг. – Я знаю, что надо делать.

– Ты хочешь купить бензин у проезжающих? – Ансалту вопросительно посмотрел на подельника.

– Ты совсем не думаешь, – вздохнул Утюг. – Машина коменданта участка хорошо известна в этих краях. Что подумают люди, увидев на ней двух чеченцев, да еще в таком виде? – Он подергал себя за отворот кителя, который, казалось, вот-вот лопнет по всем швам.

– Так говори! – Ансалту стал нервничать. – Не тяни резину.

– Надо откатить машину назад, к ущелью, – на секунду задумавшись, заговорил Утюг. – Тем более дорога под уклон. Здесь редко ездят. Но в течение часа все равно кто-то должен появиться. Мы заберем бензин, но водителя и пассажиров придется убить. Нам не нужны свидетели.

– А зачем это делать рядом с ущельем? – Ансалту удивленно захлопал глазами.

– В него можно хоть паровоз столкнуть, с дороги его видно не будет. Пока хватятся, мы уже в Чечне будем.

Вернуться на то место, где дорога тянется вдоль обрыва, не составило труда. Тяжелый «УАЗ» сам скатился к нужному месту. Приготовив автоматы, чеченцы принялись ждать.

* * *

Вязкая и непроглядная темнота, словно материализовавшись, заползала в нос, глаза, мешала дышать, попадая с воздухом в легкие. Алексей ощущал себя облачком пульсирующей боли, которая то усиливалась, то затихала, уступая место какому-то странному состоянию невесомости. Где-то рядом шумело море. Он приподнял голову, почувствовав резь в животе. Из мрака проступили два светлых квадрата. Постепенно он различил белоснежные стены и потолок.

«А где сарайчик? – Перед глазами мелькнуло перекошенное лицо Джамбулата, склонившегося над собакой. В руке нож... Он зажмурился и вновь открыл глаза. – Лена! Откуда? Жена осталась в России. Стоп!» – Вновь болью отдалось в затылке воспоминание о какой-то пещере, спящих вповалку парнях, одетых в военную форму. Он выходит наружу и собирает мусор. На камне сидят главари чеченских боевиков Нурды и Азат. Они играют в нарды и едят чипсы, запивая пивом, по очереди прикладываясь к горлышку пластиковой бутылки.

– Чертовщина какая-то! – неожиданно услышал он свой голос.

– Ожил, больной? – раздалось над самым ухом.

Алексей повернул голову и только сейчас понял, что его руки пристегнуты наручниками к изголовью кровати.

– Я не убивал собаку, – чувствуя, что говорит глупость, пробормотал он. – Это Джамбулат...

– Ты, парень, нам все дело завалил! – склонился над ним черноволосый молодой мужчина в больничной пижаме. – Зачем своему убийце помог убежать?!

– Почему убийце? – удивился Алексей. – Я же живой!

– Что он несет? – Мужчина озадаченно почесал затылок и посмотрел в сторону дверей.

Алексей узнал этого человека. Брюнет появился с утра, едва его перевезли в эту палату из той, где он приходил в себя после наркоза. Вместе с ним, на кровати у входа, устроился еще один крепыш. Он выглядел постарше. А после обеда зашел тот самый парень, который вспугнул чеченца и перевязал Алексея. На этот раз он был наголо бритый, однако Алексей узнал своего спасителя. Перед его появлением эти двое больных сказали, что они будут охранять Леху. Сначала его охватила гордость и он почувствовал себя кому-то нужным, но так и не мог взять в толк, кто желает ему неприятностей. Только когда в палате началась драка, случилось необъяснимое. В затылок словно влетело что-то очень маленькое, подобное искре от костра. Резко увеличившись в размерах, это нечто разорвало в клочья черепную коробку и, разбухнув, превратилось в еще одну голову. Только не было в этих новых мозгах вязкости и каких-то оборванных, непонятных видений. Его словно окатили ледяной, кристально чистой водой, которая смыла непонятную субстанцию. Некоторое время Алексей переваривал происшедшее, находясь в ступоре от целого взрыва эмоций и воспоминаний, а потом наконец понял, что полетевший на пол брюнет держит в руке оружие, из которого собирается убить появившегося в палате мужчину. Он знал, что тот делает неправильно, но не мог объяснить почему. Для этого надо было сосредоточиться. Однако обогнавшее мысли подсознание словно слегка подтолкнуло в спину. Он видел, как гость, перевернув на милиционера кровать, отбросил ногой в сторону выпавший из его рук пистолет и кинулся к дверям. Преградивший ему путь второй охранник вдруг сложился и повалился на пол. В это время брюнет, прыдя в себя, стал выби-

раться из-под кровати. До Алексея дошло, что еще немного, и милиционер бросится в погоню. Превозмогая боль, он сполз на пол, дотянулся до пистолета и, взяв его в руки, направил ствол на оперативника:

– Не надо его догонять! Он ни при чем! Вы не тех ловите!

– Вот это номер! – раздался голос мужчины, которого загадочный посетитель выключил, направляясь прочь.

Он уже поднялся на ноги и, растерянно хлопая глазами, смотрел на Алексея.

– Слышь, Лютый! – взмолился брюнет. – Брось оружие! Это не игрушка! – Он скосил взгляд в сторону своего напарника: – Ильич, стой где стоишь. Не провоцируй его.

– Я не Лютый! – неожиданно взревел Алексей и выстрелил в потолок.

– Да, – протянул хозяин пистолета, – дебил!

От этих слов в груди у Алексея все заклокотало.

– Я старший лейтенант Иванов Алексей Аркадьевич! Повтори! – Он направил оружие на обидчика. Рука тряслась. В это время милиционер умудрился двинуть подушкой по руке, и все провалилось в какую-то пропасть без дна, времени и света...

– Ты сообщил нашим? – спросил брюнет напарника.

– Конечно, – тот сокрушенно вздохнул и сел на кровать. – Надо же, так облажаться! Один полуживой, с распоротым брюхом недоделок не дал задержать бандита. Шеф шкуру спустит.

– Брось, – брюнет махнул рукой. – На брюхе у него только шкура попорчена. Сам слышал, как врач говорил: «Кишки прополоскали, обратно всунули и зашили. Через неделю можно выписывать».

– Мужики, мне кажется, не там ищем, – голос, принадлежащий кому-то четвертому, заставил Алексея повернуть голову в сторону соседней кровати.

Навалившись на спинку, там полулежал еще один мужчина. Голова его была полностью забинтована, а лицо представляло собой один сплошной синяк. Рядом, у стены, стояли костыли.

– Почему ты так решил? – удивился брюнет.

– Я же говорю, когда Филиппов на меня налетел, – вновь заговорил перебинтованный, – то сказал, что во всем виноваты Джамбулат и Осипов.

– Да, – прохрипел Алексей, неожиданно узнав в новеньком, похожем из-за бинтов на мумию, старшего лейтенанта милиции Вахрушева Константина, которому он отдал от руки составленный план местности. – Меня чеченец ножом ударил.

– Видите! – Старлей показал глазами на Алексея.

– Да как можно к его показаниям серьезно относиться? – Мужчина, которого все называли Ильичом, присел рядом с Вахрушевым. – Он же неумняемый!

– Слушай, Костя! – Брюнет занервничал: – Завязывай выводы делать. Тем более, ты у нас потерпевший как-никак. Объявили Филиппова в розыск, значит, будем ловить.

– Меня преследует Джамбулат, – четко выговаривая каждый слог, проговорил Алексей, чувствуя, как внутри его словно сжимается пружина. – Я бежал на его машине из плена, спрятавшись под тушами баранов. Он и его дядя знают, что мне известно о базе боевиков, где готовится очередной теракт.

– По-моему, надо вызывать врача, – поморщился Ильич.

– Скажу больше, – брюнет сокрушенно вздохнул и встал, – ему психиатр нужен.

– Я бы на вашем месте не торопился с выводами, – неожиданно заговорил Вахрушев. – С парнем явно что-то произошло. Он раньше не мог и двух слов связать.

С этими словами милиционер взял в руки костыли, кряхтя поднялся с кровати и подошел к Алексею:

– Ты как себя чувствуешь?

– Я все вспомнил, – с непривычки захлебываясь, быстро заговорил Алексей. – И тебя тоже. Старший лейтенант...

В это время дверь распахнулась, и в палату вошли несколько человек в штатском. При их появлении охранники Алексея поднялись со своих мест.

* * *

Добравшись на автобусе до Краснодара, Антон столкнулся с новой, типичной для сезона отпусков проблемой – отсутствием билетов. Послonyaвшись у касс в надежде найти хотя бы перекупщиков, безрезультатно посетив железнодорожную комендатуру, решил ехать зайцем. Можно было, конечно, сообщить о проблеме Родимову и тот бы нашел вариант, при котором военные железнодорожники даже донесли бы Филиппову до вагона сумку, но не хотелось беспокоить старика по пустякам. Тем более генерал не любил беспомощности.

Поездов на Москву было много, но он выбрал проходящий. Пистолет, документы, деньги; остальное в урну. Пусть бомжи порадуются. Провел рукой по подбородку, до Москвы не обратит, брился с утра. Да и небольшая щетина наверняка придаст легкого шарма наголо бритому мужчине. Дальше дело за малым. Он оглядел перрон и отправился по небольшим торговым павильонам. Цены не пугали, и вскоре в руках у него был пластиковый пакет, набитый вяленой рыбой, пивом и двумя бутылками, если верить этикеткам, хорошего коньяка. Он должен был не вызвать никакого сомнения у проводников, что соскочил с поезда, чтобы пополнить запасы в дорогу. К этому времени объявили о прибытии поезда Новороссийск – Москва.

«То, что надо», – с облегчением подумал он, направляясь в дальний конец перрона.

Стоянка поезда была пятнадцать минут. Все это время, стараясь не попасться на глаза проводнице последнего вагона, он терпеливо ждал отправления. Наконец после неразборчивых, эхообразных слов диктора, донесшихся из нескольких динамиков, народ стал забираться в вагоны, а еще через пару минут состав дернулся и медленно покатился. Пора!

Выскочив из своего укрытия, он рванул вслед за вагоном, сшибая зазевавшихся провожающих.

– Девушка! Девушка! – с мольбой в глазах глядя на миловидную проводницу, выдал он из себя и, дождавшись, когда она развернет свою аккуратную головку в его сторону, простонал: – Возьмите пакет!

– Фу! – стоя спустя минуту в тамбуре набирающего ход поезда, он обессиленно навалился на стенку. – Еще бы чуть-чуть, и опоздал!

Проводница молча опустила мостик, закрыла двери и только после этого развернулась к едва не «отставшему» от поезда пассажиру.

– Диктора надо слушать! – Она шутливо сделала строгое лицо и назидательно погрозила ему пальчиком.

– На вокзале такое эхо, что ни слова не разберешь, – улыбнулся он.

– Вы из какого вагона?

– Из третьего, – не моргнув глазом соврал он. – Но есть желание задержаться в вашем. Должен же я как-то вас отблагодарить.

– Много вас таких благодарных, – она деловито поправила собранные на затылке в клубок волосы. – Пойдемте.

Проводница оказалась строгого воспитания, и уже через час Антон был выдворен из служебного купе в «свой» вагон.

Медленно продвигаясь по составу, он, словно ищейка, искал место, где его пакет может послужить якорем. В конце концов вскоре он оказался в компании хорошо отдохнувших молодых мужчин, делящихся впечатлениями о проведенных на море днях. Пил он мало, лишь делал

вид. Нежелание ехать в своем купе объяснил просто – престарелая чета с внуком «проела ему на голове плешь» своими нудными разговорами.

На вторые сутки веселья, в процессе которого перебравшие поднимались на верхние полки, чтобы вскоре спуститься вновь, дверь купе с шумом отодвинулась, и перед нетрезвой компанией возникли двое сотрудников транспортной милиции.

– Пьем? – Розовощекий, под два метра ростом капитан почему-то задал этот вопрос именно Филиппову.

Антон лишь пожал плечами и отвернулся к окну. Уже ехали по Московской области, и он считал, что программу-максимум выполнил сполна. Теперь можно добраться на любой попутке или даже электричке.

– Гражданин, ваши документы! – каким-то странным, вмиг изменившимся голосом потребовал стоящий рядом с капитаном сержант.

Краем глаза Антон заметил, как он толкнул в бок офицера и шепнул «ориентировка».

– Стоило побрить голову, на всех бандитов стал походить! – Антон изобразил на лице злость. – Ваши ориентировки, как по шаблону, на одно лицо: лысый и взгляд исподлобья. Это, наверное, чтобы легче ловить было.

– Документы! Или ты оглох, уважаемый? – голосом человека, который только что узнал, что ему достался какой-то крупный выигрыш, потребовал уже начальник патруля.

– Они у меня в купе, – Антон встал и виновато пожал плечами. – Здесь я гость.

– Ну, пойдемте в ваше купе, – капитан посторонился.

– А наручники? – Антон вытянул вперед руки. – Вдруг сержант не ошибся?

Филиппов знал, за день сотрудники милиции часто сталкиваются с похожими на разыскиваемых преступников людьми. Как правило, фотороботы далеки от оригинала и не все, в случае встречи с реальным бандитом, до конца уверены в своих подозрениях. Именно в этот момент надо вести себя немного раскрепощенно и в меру вызывающе. С ходу дать понять, что тебе нечего бояться. Вот, мол, сейчас покажу документы, и отстанете. Притупив таким образом бдительность, легче уйти.

– Ладно, – офицер вдруг смутился. – Не паясничай.

Антон вышел в коридор и, ничем не выдавая своего волнения, двинулся в том направлении, где был вагон-ресторан. Он прекрасно знал, что в рабочем тамбуре открыта дверь. Скорость поезда была небольшой, потянулись дачи какого-то города. Сержант направлялся впереди, капитан шел сзади. Сержанту приходилось в тамбурах открывать двери, капитан их захлопывал. Вскоре запахло кухней. Антон бросил взгляд в окно. Поезд начинал торможение. Последняя дверь. Миновав переход и тамбур, сержант входит в коридор, ведущий в ресторан. Справа, как Антон уже успел убедиться, открытая дверь кухни. Лишь небольшое, по пояс ограждение отделяет его от свободы.

Удар локтем в живот заставил капитана сложиться. Сержант не успел развернуться на вскрик своего начальника. Используя поручень под окном как опору, Антон двинул его ногой в грудь, и тот завалился в проходе. Отбросив в сторону бачок и какого-то мужичка в белой рубашке, он перекинул ногу через ограждение, повис на руках и через мгновение уже бежал по инерции рядом с вагоном.

Едва отдышавшись, рванул в сторону дач, которые начинались сразу за путями. Из-за того что прыгал на щебенку, при каждом шаге в щиколотках отдавало болью. Добежав до зарослей какого-то кустарника, обернулся. Ни сержант, ни капитан не решились повторить его подвиг. Они лишь высунулись в двери, наблюдая за его маршрутом.

«Давайте, ребята, сообщайте, на каком километре сошел, а главное, в какую сторону направился». – Антон повеселел и вошел в небольшой лесок, дожидаясь, когда состав скроется из виду. Как только это произойдет, он перейдет пути в обратном направлении, поскольку с

этой стороны сейчас соберется не меньше десятка патрульных машин и будут организованы его поиски. Да и дорогу, которая ведет в столицу, возьмут под контроль.

* * *

Солнце со стремительной быстротой подбиралось к зениту. Изнывающий от жары Утюг несколько раз порывался спуститься по почти отвесному склону к воде, но всякий раз Ансалту уговаривал его не делать этого.

За все время проехало три машины, но ни одна из них не остановилась.

– Нас уже ищут, а этот «уазик» теперь только помеха, – твердил Утюг.

– У таджиков слабая связь, – стоял на своем Ансалту. – Здесь горы. Поверь.

Почему-то он был уверен, что у них еще есть в запасе как минимум час.

– Давай так, – наконец не выдержал Утюг. – Любая машина, сразу стреляем. Сливаем бензин, ее в речку, и вперед.

– Договорились, – кивнул Ансалту. – Только надо дождаться, когда она поравняется с нашей, чтобы недалеко было носить бензин и не попасть в бак.

– Главное, чтобы в этот момент на дороге больше никто не появился, – с беспокойством проговорил Утюг и поежился.

Едва он замолчал, как со стороны границы послышался надрывный гул мотора. Схватив автомат, Ансалту перешел на другую сторону дороги и присел на корточки за обломком скалы. Утюг прикрылся корпусом «УАЗа». Из-за поворота вынырнула белая «Нива». Когда до нее оставались считанные метры, чеченцы не сговариваясь вышли из-за своих укрытий и подняли стволы автоматов. Две очереди одновременно выкрошили боковое и лобовое стекло. Казалось, что внутри уже нет ничего живого, когда со стороны водителя распахнулась дверца. Выскочивший из нее окровавленный и обезумевший таджик бросился прочь. Заглохшая машина начала медленно катиться назад.

– Утюг! – закричал Ансалту, целясь в карабкающегося в гору раненого. – Останови машину!

Прогремевшая очередь вывела Утюга из оцепенения. Он догнал «Ниву». Сначала чеченец хотел удержать ее за стойку, но ноги скользили по остаткам асфальта. Потом пытался дотянуться до ручного тормоза и наконец, подхватив на дороге приличных размеров валун, бросил его под колесо. Машина встала.

Тем временем Ансалту уже добрался до убитого им водителя, который умудрился довольно высоко забраться, и скатывал его ногами вниз, оставляя за собой дорожку окровавленных камней.

– Чего стоишь?! – оказавшись внизу, он закричал на Утюга.

Белый как мел, с широко раскрытыми глазами, Утюг походил на изваяние. Ансалту никогда не видел его таким.

«Может, змея укусила?» С опаской осмотрев пустынную трассу, он перешел через дорогу и заглянул в салон расстрелянной ими машины. Там, на заднем сиденье, неестественно запрокинув назад голову, лежал человек. Сначала Ансалту обдало жаром, а во рту пересохло. Потом он почувствовал страшную слабость в ногах, и ужас, безысходность, ненависть ко всему окружающему миру вырвались из его глотки. Задрав голову вверх, он закричал. Там, в машине, лежал не кто иной, как Сайхан Ирисбиев по кличке Хан, их хозяин.

Звериный крик обезумевшего Ансалту заставил Утюга вздрогнуть. Со всего размаха он залепил своему подельнику в ухо и бросился в машину.

– Хан! Хан! Ты живой? – Бандит стал трясти своего хозяина за плечо. Но тот был мертв.

– Что мы наделали! – выл сваленный ударом на землю Ансалту. Он сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, а по его лицу текли слезы.

– Возьми себя в руки! – закричал на него Утюг. – Что ты плачешь, как женщина! Хан умер воином, и мы ни в чем не виноваты. Сливай бензин!

Пока Ансалту ходил за канистрой и шлангом, Утюг снял надетый на Хана фотоаппарат, потом, обшарив карманы, забрал деньги и документы.

Вскоре труп водителя был в машине, а бензин из легковушки перекачивал в бак «УАЗа».

– Надо предать Хана земле, – с тоской глядя на «Ниву», проговорил Ансалту.

– Ты сошел с ума, брат, – Утюг положил ему на плечо руку. – У нас нет времени!

С этими словами он обошел машину со стороны водителя, вывернул руль с таким расчетом, чтобы она покатила прямо к обрыву, после чего выбил из-под колеса камень:

– Подтолкни!

Некоторое время ехали молча, в каком-то оцепенении. На лице Утюга не дрогнул ни один мускул, когда проезжали посты милиции в Кулябе и Курган-Тюбе. Их везде по-прежнему беспрепятственно пропускали. Притормозив рядом с мальчишкой, торгующим у дороги, не выходя из машины, купили минеральной воды.

Начался подъем на Фахрабат. Последний перед Душанбе перевал. Был уже полдень, но наверху дул прохладный ветерок. Слева промелькнули две гигантские статуи мужчины и женщины, символизирующие Европу и Азию. Оставались считанные километры.

– Здесь наверняка уже знают, что произошло в Анжеробе, – заговорил глухим голосом Утюг. – Пора избавляться от машины.

– Как же дальше?

– На попутке, – Утюг отвернулся в окошко. – Народ здесь уже не такой дикий, как на границе. Да и автобусы ходят.

– Что же ты предлагаешь?

– Не доезжая двадцати километров до Душанбе, будет поворот налево. Там большой кишлак, Лохур называется, а за ним полигон русской дивизии. Бросим машину рядом. Потом попробуем найти человека, который за деньги согласится увезти нас в Ташкент. Оттуда поедем поездом. Здесь опасно появляться на вокзале. Нас, конечно, никто не знает в лицо, но то, что на заставе устроили погром именно чеченцы, наверняка уже известно.

Дорога, петляя, пошла вниз. Уже было видно столицу Таджикистана. Огромный город, окруженный горами со снежными шапками на вершинах, смотрелся красиво.

– Что будем говорить Садаеву? – Ансалту бросил вопросительный взгляд на профиль Утюга. – Как Хан погиб?

– Скажем, при переходе, убили пограничники, – немного подумав, принял решение тот. – Главное, «Возмездие Аллаха» привезти, а там нам простят все грехи.

– Плохо получилось, – вздохнул Ансалту. – Мы не только убили своего брата, но и бросили его, как собаку, на чужой земле.

– Ты не прав, Ансалту, – задумчиво проговорил Утюг. – Это тело его осталось здесь. А душа уже в раю.

* * *

Наступило третье после операции утро. Алексей чувствовал себя превосходно. На удивление быстро заживал шов. Впрочем, он ничего странного в этом не видел. За время службы на Северном Кавказе сам не раз был свидетелем фантастических излечений за очень короткий срок и после более серьезных ранений. Особенно в экстремальной ситуации. То ли организм мобилизует все свои резервы, то ли есть еще какие-то факторы. По крайней мере, у Алексея был огромный стимул подняться как можно скорее. Пришедшие вскоре после бегства Филиппова в палату начальники охранявших его милиционеров ясно дали понять, что главным подозреваемым, невзирая ни на что, по-прежнему остается этот человек. Алексей, окончательно

за это время придя в себя и восстановив в памяти все события, пришел к выводу, что это не так. Однако, кроме того, что его умственное состояние для всех оставалось еще под вопросом, поделиться своими соображениями было уже не с кем. Милиционеров убрали после визита Филиппова. Не давала покоя услышанная фраза, брошенная при осмотре врачом, что дела идут на поправку и скоро переведут в другую клинику. Куда – Алексей догадался. Если учитывать отношение к нему медперсонала и то, что дверь в палату запирают на ключ, следующим пристанищем будет психушка. В таком случае он не сделает то, ради чего столько перенес. А может, он уже опоздал? Ведь когда его забирали из схрона, была еще весна, а сейчас середина лета. Почти месяц он провел в селе, убирая кошару, роя под фундамент нового дома яму. Потом дорога в Осиновку. Попытка спрятаться от преследования под трансформаторной будкой. Он помнил, как свернул к ней. С этого момента шла какая-то чехарда в мыслях. По-видимому, его ударило током, отчего он потерял память. Дальше... полное отсутствие каких-либо воспоминаний о целом отрезке жизни, пока не стал осознавать отдельные ее моменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.